

ИРИНА ГРИН

СТАТЬ СМЫСЛОМ
ЕГО ЖИЗНИ

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Переплетение чувств

Ирина Грин

Стать смыслом его жизни

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грин И.

Стать смыслом его жизни / И. Грин — «Эксмо»,
2017 — (Переплетение чувств)

ISBN 978-5-04-088935-8

Сестры были очень похожи внешне, но совершенно разные по характеру – замкнутая молчаливая Вера и яркая шумная Катя. Но так получилось, что вкусы девушек совпали – объектом их интереса стал один и тот же мужчина... Александр Донской хотел во всем превзойти отца, крупного бизнесмена. Пытаясь реализовать свои амбиции, он потерял все – выгодный контракт, преданных сотрудников, лучшего друга и любимую девушку. Лишь оказавшись за решеткой, Александр понял, что выбрал неверную дорогу... Все мы стремимся к счастью, но путь к нему у каждого свой. Нужно ли бороться за него изо всех сил или достаточно плыть по течению? Каждый делает выбор сам...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088935-8

© Грин И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ирина Грин

Стать смыслом его жизни

© Грин И., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Катя стояла у окна и с завистью смотрела на играющих в снежки мальчишек. Ну подумаешь – простуда! Что ж теперь – вот так всю жизнь просидеть в комнате, как Вера с Сеней? Ладно, Сеня, он не такой, как все, у него синдром Дауна, и Вера, которой нравится с ним возиться, заменяет ему весь мир. Но она сама! Неужели ей не скучно?

– Скучно-о-о! – протянула Катя. – Может, поиграем во что-нибудь?

– Давай, – Вера, уютно примостившаяся в кресле, отложила книгу, – во что?

– «Во что?» – передразнила сестру Катя. – Если бы я знала, во что.

Она сердито отвернулась к окну, Вера снова потянулась за книгой. У Сени, как всегда что-то увлеченно рисовавшего, можно не спрашивать – он, кроме своих картинок, ничего слышать не хочет. Да, с этими ботаниками каши не сварить. Неужели через два года, когда ей исполнится четырнадцать, она станет такой же скучной, как сестра?

Во дворе стемнело, мальчишки разбежались по домам, и стало еще скучнее. Катя щелкнула пультом телевизора.

– В такую погоду нет ничего лучше, как сидеть дома, – доверительным тоном сказала телеведущая.

– Ага, конечно! – Катя уже собиралась переключиться на следующий канал, но продолжение фразы заинтересовало ее.

– Святки – лучшее время для гаданий.

– Вер! Давайте погадаем!

– Давайте, – Вера, вздохнув, отложила книгу.

А Катя уже развила бурную деятельность. Она притащила из ванной и прихожей два зеркала, поставила в майонезные баночки два свечных огарка.

– Я первая! – Катя щелкнула выключателем, комната погрузилась в темноту, лишь на столе плясали огоньки.

Лишенный возможности рисовать Сеня возмущенно засопел.

– Тише ты! – шикнула на него Катя.

– И что дальше? – поинтересовалась Вера.

Катя поставила зеркала углом, прислонив их друг к другу, по бокам примостила свечи.

– Теперь надо ждать, – прошептала она.

– Чего? – Вера тоже перешла на шепот.

– Чего-чего! Суженого! – отмахнулась Катя и уже совсем другим, звонким, слегка дрожащим от волнения голосом произнесла: «Суженый, ряженный приди ко мне на свидание».

Следующие пять минут прошли в глубоком молчании, только скрипел за окном снег под ногами прохожих и потрескивали свечи.

Внезапно где-то хлопнула дверь. Мама? Вроде рано. По спине пробежал сквозняк, пахнуло морозным ветром. Катя зябко передернула плечами и обернулась, оторвав взгляд от зеркала. Показалось. Надо же! Она была уверена, что в квартиру кто-то вошел, но Вера как ни в чем не бывало спокойно сидела в кресле, и Катя снова уставилась в зеркало.

Что-то изменилось в его холодной глубине – она уже не была пустой, смутная тень появилась в левом углу. Спросить что ли у Веры, видит она или нет? Но почему-то нет сил оторвать взгляд от этой тени. А она увеличивается, растет. Это уже не тень, а очертания человека. Какой-то странный треск – так трещат дрова в костре. Только дрова трещат весело, разбрасывая во все стороны искры и даря тепло, а этот треск зловещий, сердце холодеет от страха. Хочется бежать, но Катя по-прежнему не в силах отвести глаз от человека из зазеркалья. Снова хлопнула дверь, в комнату ворвался ветер. Только теперь он пах гарью. Пожар!

Катя вскрикнула, тень в зеркале пропала. Стол дернулся, хлипкая конструкция рухнула, и Вера бросилась спасать праздничную скатерть.

– Пожар! Там был пожар! – испуганно пробормотала Катя.

– Это свечка отражалась! – авторитетно заявила Вера, включая свет.

– Да нет же! – горячилась Катя. – Это точно был пожар!

– Значит, твой суженый будет пожарным, – с улыбкой заметила Вера.

– Не смейся! Знаешь, как мне было страшно! Вера, Верочка! – Катя настойчиво дергала сестру за руку. – Что это значит?

– Это значит, – Вера сжала Катину ладонь, – что все эти гадания – глупости. Лучше послушай, что я прочитала в книге...

– Да не хочу я про твои книги! – выдирая ладонь, воскликнула Катя. – Я чуть не сгорела!

– Не выдумывай! Мы бы с Сеней тебя спасли! Правда, Сеня?

Арсений заулыбался, закивал.

– А вдруг нет? – Катя не могла успокоиться.

– Хватит, давай я расскажу про книжку. Она, кстати, касается исполнения желаний. Тут рассказывается подробно, по шагам, как добиться того, чтобы сбылась самая заветная мечта. Если сделать правильно, то все обязательно получится.

Сеня оторвался от рисунка и посмотрел на Веру.

– Ерунда, – отмахнулась Катерина.

– А вот и не ерунда! – вступился за подругу Сеня. – Читай, не слушай ее.

Вера перевернула страницу в поисках нужного места и прочитала:

– Если человек хочет добиться исполнения самой заветной мечты, он должен не сидеть сложа руки, а действовать. Ежедневно, по кирпичику строить свою жизнь именно так, как надо для его великой цели. Вокруг такого человека создается своеобразная атмосфера, попадая в которую, окружающие тоже меняются и невольно помогают ему в его пути. Надо только четко сформулировать мечту, и тогда весь мир будет содействовать в ее исполнении.

Вот, например, ты, Сеня. – Вера посмотрела на мальчика. – Есть у тебя мечта? Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Сеня посмотрел на свои короткие, испачканные краской пальцы.

– Я хочу рисовать, – он взглянул на Веру с извиняющейся улыбкой.

– Стать художником? – уточнила Вера.

– Ага, художником, – засмеялась Катя, – от слова «худо».

– Перестань, – одернула ее сестра.

Сеня схватил лист, на котором рисовал, смял, бросил под стол и стремительно выбежал из комнаты. Вера поймала его в коридоре, где он, сопя от обиды, пытался натянуть ботинки.

– Сеня, стой, не уходи, – она потащила упирающегося мальчика обратно в комнату.

– Вот псих, я же пошутила, – смущенно сказала Катя, вылезая из-под стола со злополучным рисунком в руках.

Она расправила помятый лист. Картина была безнадежно испорчена – невысохшие краски слились в разноцветное пятно. Катя подошла к Сене и заглянула ему в глаза:

– Ты же не обиделся, Сенечка, правда не обиделся? – и поцеловала его в щеку.

Поцелуй был Катиним секретным и неотразимым оружием – Сеня просиял.

– Садитесь за стол, – скомандовала Вера. – Для того чтобы мечта сбылась, нужно ее записать, – она положила перед ними чистые альбомные листы и ручки.

Оба синхронно взяли ручки, нахмурили лбы и принялись усиленно грызть колпачки.

– Сначала ты, Арсений. Свою мечту ты уже сформулировал. Осталось ее записать.

Высунув язык от напряжения, пляшущими буквами Сеня вывел на листе бумаги: «Я хочу стать художником».

– Теперь ты должен увидеть себя в тот момент, когда твоя мечта исполнится.

– Я не умею, – после продолжительного молчания обиженно прошептал Сеня.

– А ты нарисуй! Нарисуй, что ты стал художником.

Сеня улыбнулся, подтянул к себе краски и начал рисовать прямо под надписью «Я хочу стать художником».

– Ну а ты? – повернулась Вера к сестре, сидящей над абсолютно чистым листом бумаги.

– Мне почему-то страшно, – призналась та. – Да и нет у меня никаких мечт... мечтов...

Не знаю я...

– Неужели ты никогда ни о чем не мечтаешь?

– Я хочу выйти замуж, обязательно за миллионера, родить ему детей, жить счастливо и умереть в один день.

– Замуж? – удивилась Вера.

– А ты не собираешься выходить замуж? Будешь всю жизнь лечить людей? Почему мечтать об этом считается приличным, а о том, чтобы стать женой и матерью, – нет?

– Да что ты! – Вера постаралась успокоить разбушевавшуюся сестру. – Я считаю это хорошей мечтой. Даже очень хорошей.

Катя отбросила со лба волосы и уверенно написала на чистом листе бумаги: «Я хочу выйти замуж за миллионера и иметь троих детей».

Потом пробежалась взглядом по фотографиям голливудских красавцев, украшавшим стену над ее кроватью.

– Пожалуй... Это будет высокий блондин с голубыми глазами.

– Здорово, – подбодрила сестру Вера.

– А ты, Вера? О чем мечтаешь ты?

– Я? – Вера задумалась. – Мне хочется стать учительницей, помогать детям найти себя.

– Что это за мечта такая? Мечта – это что-то личное, а помогать другим – это не личное.

– Но чего ты хочешь добиться в результате исполнения мечты? Стать счастливой? А я счастлива, когда на меня с благодарностью смотрят Сенины глаза.

Сеня оторвался от рисунка и посмотрел на Веру.

– Вот так, как сейчас, – кивнула Вера и подошла к другу.

Он уже почти закончил картину. На ней был изображен дом на берегу пруда и художник с картиной на треножнике под большим раскидистым деревом.

– А у тебя что? – Вера склонилась над рисунком сестры.

Это была большая комната, заставленная мебелью – очевидно, в Катином понимании изобилие мебели символизировало богатство. Всю центральную часть листа занимал большой стол с резными ножками, за ним сидел мужчина, рядом она, Катя, и трое детей.

«Ну вот, – подумала Вера, – теперь осталось только дождаться того дня, когда мечты сбудутся».

Прошло десять лет...

Глава 1

Дождь начался в обед. Поначалу редкий, к вечеру он превратился в настоящий ливень.

Александр Донской возвращался с работы. Он специально выбрал объездную дорогу – в городе сейчас сплошные пробки, а тут, на объездной, практически пусто. Утопив педаль газа в пол, Александр несся по трассе. Дворники не справлялись с заливающими лобовое стекло потоками. Они лишь на мгновение выхватывали кусок дороги, а потом стекло снова покрывалось сплошным слоем воды.

Проезжая мимо детского больничного комплекса, Саша заметил на автобусной остановке женскую фигурку в светлой одежде. Он проехал мимо, но какое-то внутреннее чувство заставило его притормозить. Сдав назад, Александр приоткрыл дверь и дружелюбно кивнул:

– Вас подвезти?

Девушка пыталась прикрыться зонтиком от льющейся с небес воды. Однако удавалось ей это плохо – она казалась насквозь промокшей. «Настоящая русалка», – подумал Саша и добавил:

– Да садитесь же, если не хотите, чтобы вас смыло дождем!

Александр не понимал причин своего альтруизма, никогда и никого он не подбирал вот так, на пустой дороге. Но сейчас ему безумно хотелось одного: чтобы эта девушка села в машину. Он с детства любил загадывать желания. Вот и теперь, при взгляде на незнакомку, в голове у него родилась мысль: если согласится, значит, наш проект окажется лучшим. Девушка не садилась.

– Не бойтесь, я не маньяк, хотите – права покажу, – он вытащил пачку документов, привычный набор водителя. – Вот видите, Александр Донской – это я.

В этот момент ему казалось, что вся его дальнейшая жизнь зависит от того, сядет промокшая незнакомка в машину или нет. Словно прочитав его мысли, она так же молча кивнула, сложила зонтик и осторожно опустилась на переднее сиденье. С ее волос и плаща текли струйки воды. Она смущенно сжалась, стараясь занять как можно меньше места.

– Ну, куда едем? – спросил Александр, пытаясь придать голосу тон бывалого таксиста.

Девушка игру не поддержала.

– До Гагарина, если вас не затруднит, – она бросила мимолетный взгляд на сидящего за рулем. Он перехватил этот взгляд и почувствовал, как сердце ухнуло куда-то вниз. У девушки были необычные глаза – серые, очень светлые. Они резко контрастировали с мокрыми и оттого казавшимися почти черными волосами. Словно глаза эти существовали отдельно от лица – просто парили в воздухе. А еще они были бесконечно грустными.

– У вас что-то случилось? Может, я могу чем-то помочь?

– Спасибо. Вы и так мне помогли.

Весь оставшийся путь они проехали молча. Девушка сидела, все так же вцепившись в мокрый зонтик.

Возле нужной остановки Александр притормозил.

– Я не могу отпустить вас просто так, – заявил он.

Она неправильно поняла его, полезла в сумку, вытащила маленький кошелечек.

– Нет, – смутился Донской, – я имел в виду... Подождите, – он почти кричал, – не уходите... Возьмите мою визитку, – он вытащил из кармана визитницу. От неловкого движения карточки посыпались на пол, но сейчас ему было на все наплевать. Саша хотел остановить эту женщину, но она упорно дергала ручку двери.

– Выпустите меня, пожалуйста, – в голосе звучала мольба. Александр сдался, щелкнул кнопкой центрального замка, дверь открылась. Девушка раскрыла зонтик, вышла из машины, но внезапно обернулась.

– Спасибо, – она подняла одну из визиток. – Спасибо, Александр Донской.

В глазах незнакомки промелькнуло подобие улыбки. Девушка шагнула в дождь. Через мгновение силуэт в светлом плащике пропал, а Саша все смотрел ей вслед. Он просидел так минут десять, а потом медленно поехал дальше.

Ночью ему приснилась прекрасная незнакомка. Она улыбалась, отчего ее удивительные светлые глаза лучились. «Посейдон» ваш! Главное – не пасуйте». Саша хотел взять ее за руку, но она со смехом отдернула тонкие пальцы. Откуда-то взялся огромный зонт, подул ветер, русалка легко оторвалась от земли и полетела к облакам. Александр пытался позвать ее, но, как ни старался, не мог произнести ни слова.

– Подожди! – наконец с усилием крикнул он... И проснулся.

Бросил взгляд на часы – полпятого, уснуть уже вряд ли удастся. Встал, подошел к окну – небо на горизонте уже посветлело. Наступало утро решающего дня. Если все пройдет успешно... Это будет долгожданная победа, о которой они с Ником столько мечтали. Донской пошел в ванную, долго рассматривал свое отражение в зеркале. Карие, покрасневшие от недосыпа глаза, густые, почти соединенные на переносице брови, отросшая за ночь щетина, стоящие дыбом короткие темно-каштановые волосы – натуральный чертяка! Только рогов не хватает. Донской машинально ощупал затылок и усмехнулся своему отражению. Видела бы его сейчас вчерашняя девушка – ни за что бы к нему в машину не села. Уж если вчера испугалась его, причесанного и не такого щетинистого, то в теперешнем виде он бы и вовсе привел ее в ужас. Александр стал под душ, отдав тело на растерзание то обжигающе-горячим, то холодным струям. Выйдя из ванной, он почувствовал себя победителем.

Надев костюм, строгий галстук, Саша еще раз придирчиво оглядел себя в зеркале и отправился в офис.

Слово «офис» казалось слишком громким для двухкомнатной квартиры в центре города, снимаемой у старушки, чем-то неуловимо напоминающей Донскому мисс Хадсон в исполнении Рины Зеленой. В первой комнате было царство Анечки, смешливой голубоглазой блондинки, выполнявшей функции секретаря и бухгалтера, во второй сидели они с Ником – инстинктивным другом Никитой Богдановым, настоящим компьютерным гением. Если не считать уборщицы, приходившей два раза в неделю, это, собственно, и был весь персонал «Ники». Открывая фирму, друзья долго придумывали имя своему детищу, пока Александру не пришло в голову это короткое, но многогранное название. С одной стороны, Ника – богиня победы, а, как известно, «как вы яхту назовете, так она и поплывет», с другой – это аббревиатура из имен двух собственников фирмы НИКиты и Александра. С третьей... тут красавец Александр таинственно улыбался:

– Cherchez la femme¹.

Это придавало названию романтический налет, определенный утонченный шарм.

Несмотря на имя, фирма топталась на месте. Оба директора – генеральный Александр и исполнительный Никита – перебивались скромными заработками, стабильную, хотя очень маленькую зарплату получала только Анечка.

– Мы выиграем! – уверенно заявил Донской, входя в офис.

Несмотря на раннее утро, Никита и Анечка уже ждали его. Никита оторвался от экрана ноутбука и посмотрел на компаньона.

– Откуда такая уверенность?

Александр пожал плечами и кивком показал на дверь в кабинет. Никита встал и последовал за ним.

¹ Ищите женщину (фр.).

– Знаешь, – воскликнул Александр, когда дверь за другом закрылась, – со мной вчера такое приключилось! Я ехал по объездной, дождь шпарил как ненормальный. Помнишь, где поворот от больницы, там еще остановка такая, просто пятачок? – Никита кивнул.

– Там стояла девушка, – продолжал Александр. – Глазищи – во, – он показал пальцами, какого размера глазищи были у девушки. – Я загадал: если сядет ко мне в машину, значит, мы получим заказ, нет – значит нет.

– И, конечно же, она села.

– Да. Но мне пришлось долго ее уламывать.

– Не родилась еще женщина, которая смогла бы перед тобой устоять, – улыбнулся Богданов.

Его всегда удивляло суеверие Донского, вера в различные знаки, приметы. Внешне невозмутимо сдержанный, Александр был способен на мощнейшие яркие чувства, восторженные и сентиментальные. Чувства эти были глубоко спрятаны в его душе. И только близкий друг, сумевший завоевать доверие Александра своей искренностью и добротой, а также неприспособленностью к жизни и незащищенностью, был в курсе этой оборотной, тщательно скрываемой от посторонних стороны.

– Ладно, давай еще раз пробежимся по основным моментам, – Донской сдержанно улыбнулся.

– Кстати, что у тебя за вид? – он критически осмотрел друга. Типичный ботаник – длинный, худой, сутулый, соломенные волосы торчат в разные стороны, металлические, абсолютно несерьезные очки. – Где твой галстук?

– Сейчас, – Никита метнулся в коридор, притащил портфель и вытянул оттуда кишкообразную веревку. – Вот, – он начал лихорадочно завязывать узел.

– Это не галстук, а черт знает что! – грохотал Донской. – Анна! Займись им, немедленно! Аня прибежала, глаза ее от волнения стали огромными.

– Сейчас, Александр Дмитриевич, – испугано зашептала она.

– Ладно, некогда, пусть уж так останется, – и он со злостью застучал по клавиатуре, искоса наблюдая за тем, как секретарша помогает Никите завязывать галстук и приглаживает ладонью торчащие во все стороны волосы.

На самом деле он не был на сто процентов уверен в победе «Ники». Две недели назад Александр прочитал в газете объявление о том, что концерн «Посейдон» объявляет тендер на разработку и внедрение системы управления производством.

Основными конкурентами в борьбе за заказ считались «Матрица» и ТНТ. Обе фирмы уже имели внедренные решения и относительно положительные отзывы. На стороне «Ники» была только молодость и энергичность ее создателей.

У Александра в «Посейдоне» имелась своя Мата Хари, которая не могла повлиять на решение Совета директоров, но держала в курсе событий вокруг проекта. «Матрица» и ТНТ уже презентовали свои решения, и на сегодня чаша весов склонялась в сторону «Матрицы».

– Пора, – Донской захлопнул крышку ноутбука.

К тому моменту, когда друзья подъехали к центральному офису «Посейдона», история с девушкой, встреченной на дороге, полностью выветрилась из головы Александра Донского.

Для правильной расстановки сил во время решающей битвы Донской с помощью все той же разведчицы произвел предварительную рекогносцировку. Никите он поручил Генерального, большого любителя всяких компьютерных заморочек, а на себя взвалил директора-распорядителя, Железную Леди пятидесяти лет, абсолютно не доверяющую компьютерной технике, но с мнением которой Генеральный очень считался. Добиться ее одобрения означало практически выиграть сражение.

Если перед началом презентации Александр немного переживал, то, как только он увидел восьмерых членов Совета директоров, все волнение сняло как рукой. Саша со школы привык

выступать на различных собраниях, семинарах и в такой сравнительно небольшой аудитории чувствовал себя как рыба в воде.

Донской отыскал глазами свою «подопечную». Гордая и неприступная, она восседала по правую руку от Генерального. На лице ее было написано полное неодобрение всего происходящего.

После короткого вступления Александр перешел к делу. Через несколько минут он с удовлетворением отметил первую искру понимания на лице директора-распорядителя. Мысленно потирая руки, он продолжал в том же духе, отмечая лазерной указкой на слайдах узловые моменты доклада. Краем глаза он увидел, как Генеральный встал из-за стола и что-то принялся уточнять у Никиты. «Молодец, Богданов!» – одобрительно улыбнулся другу Донской и вдруг заметил, как Железная Леди кивнула и что-то отметила в своем ежедневнике. Глаза у Александра загорелись, и остаток презентации он провел на таком подъеме, что в конце некоторые члены Совета директоров даже сдержанно поаплодировали. Так же легко они с Никитой справились с возникшими вопросами. Генеральный поблагодарил разработчиков за интересную презентацию и пообещал сообщить о принятом решении не позднее завтрашнего дня.

Однако решение было принято в тот же день. Александр уже собирался домой, когда на его столе зазвонил телефон.

– Господин Донской? С вами будет говорить Генеральный директор фирмы «Посейдон».

Саша почувствовал, как мгновенно вспотела рука, держащая трубку.

– Здравствуйте, Александр Дмитриевич! – голос Генерального звучал доброжелательно. – Совет директоров утвердил вашу фирму в качестве разработчика программного обеспечения. Приглашаю вас послезавтра к одиннадцати для согласования договора и утверждения графика работы.

Александр ответил подобающими случаю стандартными фразами благодарности и уверениями в плодотворном сотрудничестве.

– Кстати, хотел уточнить, – продолжал Генеральный, – Дмитрий Александрович Донской случайно не ваш родственник?

Саша споткнулся буквально на мгновение, а потом вежливо сообщил, что Дмитрий Александрович Донской является его, Александра, отцом.

Повесив трубку, Донской дал волю охватившим его чувствам. Он стукнул кулаком по столу, отшвырнул телефон и выругался так неприлично, что вошедший в кабинет Никита поспешно захлопнул дверь перед носом идущей вслед за ним Анечки.

– Ты чего? – оторопело уставился на друга Богданов. – Отказали? Ну и черт с ними, других найдем.

Александр молчал. Мысль о том, что долгожданный контракт достался «Нике» только благодаря отцу, была для него невыносима. Он сосчитал до десяти, слегка пообвыкшись за это время с раздражающей его новостью. Сосчитав еще до пяти, но, не окончательно удовлетворившись исходом дела, пожал плечами, а еще через пять секунд пробормотал:

– Да хрен с ним, зови Аньку.

Никита толкнул дверь, и обиженная секретарша вошла в комнату.

Донской немного потянул паузу, а потом тихо, как будто само собой разумеющееся, сообщил:

– Мы победили.

– Что? – переспросила Анечка.

– «Посейдон» – наш! – завопил Александр.

Секретарша взвизгнула и бросилась целовать обоих директоров, Никита стал говорить о том, что необходимо взять на работу двух программистов, и у него как раз есть на примете подходящие. Анечка потребовала давно обещанного бухгалтера.

– Все, – подвел итог Донской. – Я понял: берем на работу двух программистов и бухгалтера. Программистами занимается Никита, бухгалтером я. А сейчас – по домам. Завтра у нас много работы.

Выйдя из офиса, он сел за руль и направился было домой, но вдруг почувствовал, что его непреодолимо тянет к месту, где он вчера увидел девушку. Резко развернувшись, он двинулся в сторону объездной. На месте встречи с незнакомкой Саша остановился, закурил. Полчаса прошли в бесплодных ожиданиях, после чего Донской завел двигатель и отправился домой.

Глава 2

Только погрузившись в теплую воду, Вера почувствовала, как напряжение потихоньку оставляет ее. Она закрыла глаза и постаралась освободить голову от тяжелых мыслей. Образовавшуюся пустоту мгновенно заполнили институтские воспоминания. Профессор Савинов...

– Уходя домой, – говорил он, – вы должны оставлять все свои эмоции, связанные с профессиональной деятельностью, на рабочем месте. Вы можете работать двадцать часов в сутки, но на оставшиеся четыре обязаны освободить свое «я» от мыслей о пациентах. Выходите из кабинета, отключаете рубильник – раз, – тут профессор делал резкий жест рукой, – и теперь вы только мать или отец, жена или муж, дочь или сын, но не врач. Я понимаю, для многих из вас это нонсенс, но это обязательное условие для того, чтобы стать настоящим психиатром. Иначе очень легко перешагнуть тончайшую границу, отделяющую здоровую психику от больной. Не улыбайтесь, Дружинина, вас это больше всех касается.

Вера Дружинина была одной из самых подающих надежды студенток. С четвертого курса она работала в психиатрическом отделении детского больничного комплекса – сначала медсестрой, а после получения диплома – врачом.

Отделение располагалось в трехэтажном корпусе, огражденном бетонным забором. Когда-то давно первые работники больницы посадили здесь сосенки. Сейчас они превратились в пушистых красавиц, надежно скрывающих обитателей отделения от посторонних глаз. Недавно Вера со своими пациентками посеяла вдоль дорожки, ведущей к корпусу, семена маргариток. Сегодня утром, идя на работу, она увидела, что первые робкие стебельки уже проклюнулись, и от этого хотелось улыбаться. «Надо будет показать девчонкам», – подумала она.

Даже воздух в отделении был другим. Сквозь приоткрытые зарешеченные окна первого этажа залетал легкий летний ветерок и, смешиваясь с тяжелыми больничными запахами, делал их не такими гнетущими, как зимой. Унылые блекло-зеленые панели в лучах утреннего солнца не казались такими печальными. На посту медсестры сидела Лиза – пациентка отделения. Увидев доктора, она резко вскочила.

– Здравствуйте, Вера Петровна! – в глазах девочки было столько обожания, что Вера закрыла глаза на вопиющее нарушение режима – в это время все больные должны находиться в своих палатах.

Лиза поступила в мае из интерната с диагнозом «умственная отсталость». Это была обычная практика: чтобы избавиться от доставляющих хлопоты детей, интернаты и детские дома отправляли воспитанников в психиатрическую больницу с подобными диагнозами, не обладая при этом квалифицированными специалистами, способными такой диагноз поставить. Часто за умственную отсталость принималась повышенная утомляемость ребенка, задержка психического развития, двигательная расторможенность, семейно-педагогическая запущенность. Пока Лиза проходила обследование для уточнения диагноза, интернат выехал на летний отдых. Лечащий врач Савельева Галина Борисовна несколько раз пыталась связаться с матерью девочки и убедить забрать ребенка домой. В июле Савельева ушла в отпуск. С тех пор Лиза находилась в отделении на положении «вольного слушателя». Она с удовольствием помогала санитаркам выполнять несложную работу – принести воды, помыть посуду, вытереть столы в столовой. К таким детям персонал привыкал, и дети тоже привыкали...

В ординаторской еще никого не было – те самые пять минут до начала суеты. Детский комплекс располагался за городом, и после тесных пробок и давки в общественном транспорте появилось легкое ощущение начала выходных.

Вера открыла окно, надела халат, поправила выбившуюся прядку.

В ординаторскую заглянула Мария Васильевна, дежурная медсестра, и Вера сразу поняла – что-то случилось.

– Доброе утро, Вера Петровна! Представляете, разговаривала сейчас с девчонками из хирургии, Петров снова у них.

– Кто?

– Петров. Ваш летчик!

– Как Петров? – Вера почувствовала, что весь воздух из комнаты куда-то исчез. – Где?

– В реанимации, вчера сделали операцию. Вы куда?

Но Вера уже выбежала из ординаторской и полетела в здание хирургии. По дороге встречались сотрудники, пытались что-то спросить, но она только махала рукой: «Потом, потом!»

У дверей палаты сидела мать Володи Петрова. «Как же ее зовут?» – лихорадочно вспоминала Вера и, так и не вспомнив, просто сказала:

– Здравствуйте.

Женщина подняла глаза, воспаленные, ввалившиеся и оттого казавшиеся дикими. С сухих, потрескавшихся губ ее сорвалось бесконечно тяжелое:

– Почему?

Володя Петров страдал навязчивой идеей суицида. Эта попытка была третьей, два раза мальчика удавалось спасти. В последний раз он находился в психиатрическом отделении три месяца и вроде бы пришел в себя. Но минуло четыре недели, и Володя снова здесь.

Вера тихо скользнула в реанимационную палату. Казалось, время здесь не подчиняется обычным законам, измеряется не часами, а гармошкой аппарата искусственной вентиляции легких. На кровати у окна лежал Володя. Вовка Петров. Хотя нет, это был не Вовка. Разве похоже это тщедушное тельце с перевязанной головой, стиснутыми губами и закрытыми глазами, окаймленными черными кругами, на веселого мальчика, который три месяца тому назад покидал больницу?

– Почему? – только и смогла сказать Вера.

Сзади незаметно подошел Андрей Семенчук, бывший сокурсник. Девушка подняла на него глаза, в которых стоял немой вопрос. Андрей пожал плечами, вышел в соседнюю комнату и вернулся оттуда с историей болезни.

– Прыгнул с моста в реку. Компрессионный перелом позвоночника, ушиб спинного мозга. Операция прошла успешно, но прогнозы неутешительные.

Вера взяла историю, полистала приклеенные листочки с результатами анализов.

Неврологический статус при поступлении: в сознании, адекватен, изменений со стороны черепно-головных нервов нет, компрессионный перелом пятого и шестого позвонков, ушиб спинного мозга... рефлексy ног отсутствуют... Операция... Резекция тела позвонка... Мать – Галина Алексеевна...

– Он будет ходить?

– Вер, – Андрей стиснул ее руку, – главное – живой, организм молодой, здоровый.

Медленно, с усилием, Вера высвободила пальцы и пошла к двери.

– Если будет какая-нибудь динамика, я сразу позвоню.

Вера кивнула.

Открыв дверь, Вера наткнулась на взгляд матери, взгляд, полный страха, мольбы, отчаяния. Увидев врача, женщина привстала, в глазах блеснуло что-то, похожее на надежду.

– Пока без изменений. Пойдемте со мной, Галина Алексеевна.

Мать встала. «Тридцать пять лет», – вспомнила Вера. Стоящая перед ней женщина была похожа на старуху.

Они шли по больничному скверу. Все так же грело солнце, торчали из земли молодые побеги маргариток, пахло свежей хвоей. Но ни праздничного настроения, ни необычной легкости уже не было.

Вера знала, что опаздывает на пятиминутку, но бросить убитую горем женщину не могла.

В отделении у каждого врача был свой кабинет – крохотная комнатуха, вмещавшая стол, два стула, узкую кушетку и маленький шкаф.

Петрова села, стиснув тонкие пальцы в кулаки. Вера ждала. Легче было бы, если бы мать заговорила, заплакала, закричала, забилась в истерику. Но та сидела безмолвно, глядя в пол. Вера подошла к столу, налила воды.

– Галина Алексеевна, выпейте.

Женщина судорожно вцепилась в стакан.

– Вы можете мне рассказать, как это произошло?

– Я не знаю, мне позвонили на работу... Из больницы... Я же не могу все время с ним быть... Надо на что-то жить...

Вера чувствовала, что женщина что-то недоговаривает. В дверь заглянула медсестра:

– Вера Петровна, вас заведующий вызывает.

Вызов к заведующим не сулил ничего хорошего.

– Я сейчас вернусь, Галина Алексеевна, – сказала Вера, выходя из кабинета.

Заведующим, Антон Семенович Борисов, высокий плотный шестидесятилетний мужчина, сидел за столом и что-то писал.

– Вызывали? – спросила Вера, заходя в кабинет.

– Здравствуйте, Вера Петровна, – он строго посмотрел на нее поверх очков.

– Ой, извините, здравствуйте, – смутилась Вера.

– Да вы садитесь, садитесь, – он жестом указал на стул.

Вера села, чувствуя, что разговор будет серьезный.

– Что ж это вы, Вера Петровна, пропускаете пятиминутку? – выдержав значительную паузу, спросил Борисов.

– Я была в хирургии...

– Так вот, жалоба на вас поступила. От матери... – он начал искать что-то на столе.

– Иванченко? – подсказала Вера.

– Вот-вот, Иванченко. Эта самая гражданка Иванченко заявила, что, по-вашему, ее дочь в стационарном лечении не нуждается и мать должна ее забрать домой, – он снова посмотрел на Веру поверх очков.

– Антон Семенович, но ведь Даша Иванченко действительно вполне может лечиться на дневном стационаре, а еще лучше дома. У девочки синдром нарушения внимательности с гиперактивностью, сейчас эти симптомы в той или иной мере можно найти как минимум у десяти процентов детей, но это же не значит...

– Эх, молодо-зелено! – покачал головой Борисов.

– Антон Семенович, – Вера нервно накручивала на палец волосы, – вы понимаете, я считаю, что таким детям лучше дать бегать по улице, спортом заниматься до изнеможения, вот и станут поспокойнее. А у нас – гулять их не выпускают, психостимуляторы и нейрорептилы – вот и все лечение. Я понимаю, шизофрения, биполярное расстройство... Но ребята типа Даши... Все, что им нужно, – материнская любовь и забота.

– А вы предлагаете отказаться от отработанных методик и испытывать на пациентах новые препараты? – главный насупился и стал постукивать пальцами по столу. – А еще, может быть, заключить провизорские договоры с фармакологическими компаниями и впаривать родителям всякую туфту? – последние слова показались Вере такими нелепыми, что она невольно улыбнулась. – Вот то-то, улыбаешься.

Переход на «ты» означал, что официальная часть разговора окончилась.

– А по поводу Иванченко, – продолжал Борисов, – неужели не видно, что она разочарована в своем ребенке, устала от него? Нет у нее сил на любовь, не осталось. Девочке гораздо лучше здесь, в больнице, чем дома. Опять же, у нас какой менталитет? Сдал в стационар больного ребенка, а забрать должен здорового. А ты ей недолеченного хочешь отдать. Непорядок. Отсюда и недовольство, жалобы.

– А Петров? Вова Петров? Ведь он же был здоров, когда его выписывали, абсолютно нормальный ребенок...

– А ты спроси у его матери, любит ли она своего сына.

– Она просто убита горем... Ой, – Вера вспомнила, что оставила женщину в кабинете, – можно мне идти?

– Я еще не договорил. Тут звонили из облздравотдела, выделили нам путевку на курсы психореаниматологии, на шесть месяцев. Тебе не нравится, как мы лечим больных, вот и поезжай, поучись.

– Антон Семенович, – растерялась Вера, – да я разве... А как же...

– Не вздумай отказаться! Иди.

Мать Петрова сидела в той же позе, в какой Вера ее оставила.

– Галина Алексеевна! – окликнула ее Вера.

Женщина вздрогнула, подняла глаза. Казалось, она не могла понять, где находится.

– Не переживайте, я уверена, все будет хорошо. Главное – верить в это. Вы ведь любите своего сына?

Она почувствовала, как женщина внутренне напряглась.

– Любите? – растерянно повторила Вера.

– Какое твое дело? Своих заведи сначала! – Петрова вскочила и выбежала из кабинета, хлопнув дверью.

Вера догнала ее возле выходной двери – выйти из отделения можно было при помощи ключа, имевшегося только у медперсонала. Женщина ожесточенно дергала дверь на себя.

– Разрешите, я открою, – Вера достала ключ. – Что с вами? Вам плохо? Извините меня, пожалуйста, если я чем-то вас обидела.

Дверь открылась, женщина оттолкнула Веру и побежала к выходу. Хорошее настроение, с которого начиналось утро, как рукой сняло. Вера вернулась в кабинет, взяла истории болезни и отправилась на обход. На душе было тоскливо и мутно, а тут еще полил дождь...

Четвертая палата, четыре девочки. У окна – та самая Даша Иванченко. Смотрит испуганно. Они все смотрят испуганно, боятся. Больница – от слова «боль», и как Вера ни старается, она не может перебороть страх в детских сердцах. Этот страх – боязнь человека в белом халате – долго будет преследовать маленьких Вериных пациентов, и от этого на душе становится еще тяжелее.

Уходя с работы, Вера зашла в хирургию. Мальчик еще не пришел в сознание, Семенчук сменился, вместо него дежурил совсем незнакомый врач, мрачный и молчаливый.

Вера почувствовала, что вода в ванной остыла, руки покрылись мурашками. Она встала, надела халат.

– Вер, иди, чай готов, – позвала мать. В ее глазах Вера заметила грусть.

– У тебя все в порядке?

– Катя приехала, спит на диване.

– Что-то случилось?

– Да разве же от нее добьешься! – мать обиженно поджала нижнюю губу. – Чай будешь пить?

Вере очень хотелось спать, но она не могла обидеть мать.

– Иду, – она открыла сумочку, чтобы достать шоколадку, купленную для матери. На пол упал белый картонный прямоугольник. Вера подняла его и прочитала: «Александр Донской».

Глава 3

Катя не спала. Ей очень хотелось обнять сестру, сесть с ней рядом на диване и говорить, говорить, говорить... Вера умеет пожалеть так, что не чувствуешь себя ущербной. Не то что мать с ее незыблемыми пророчествами, неизменно начинающимися словами: «Вот, я же говорила!» Она всегда права, все знает.

Катя задыхалась в этой маленькой квартирке... А ведь когда-то она казалась ей дворцом – ни у кого из ее одноклассников не было своей отдельной комнаты. Когда еще был жив папа... Если бы он был жив...

Иногда Кате казалось, что жизнь закончилась после смерти отца. Из двух сестер он, по общему мнению, больше любил младшую. Старшая с раннего детства жила в мире книг, в мире фантазий и предпочитала спрятаться куда-нибудь с очередной книжкой, чтобы ее не отвлекали.

А Катя считалась папиной дочкой. Отец научил ее ловить рыбу. Как же здорово было сидеть над просыпающейся после ночи рекой и смотреть на поплавок! И это ни с чем не сравнимое волнение, когда, вздрогнув, тот резко нырял под воду! В этот момент требовалось настоящее мастерство – не упустить заглотившую крючок рыбу, медленно подвести ее к берегу и подхватить сачком.

– Ты моя Диана-охотница, – хвалил отец.

Вспоминая эти дни, Катя не могла понять, что же ей тогда больше нравилось – радость от одержанной победы или гордость от отцовских слов, от тепла его руки, ерошившей волосы.

К сожалению, такие дни выпадали редко. Отец сутками пропадал в больнице. Приходил домой, когда дочери уже спали, уходил рано. Он был не просто хирургом, а знаменитым, выдающимся хирургом. Катя скучала по нему и часто, уже будучи школьницей, прибегала в больницу с единственной целью – увидеть, помечтать вдвоем о будущей рыбалке, или, что случалось гораздо чаще, просто с гордым видом посидеть за отцовским столом, представляя себя врачом.

Мать работала медсестрой в той же больнице. Иногда Кате казалось, что на самом деле ее матерью должна быть Анна Львовна, работавшая вместе с отцом. Красавица-хирургиня – так называли ее больные. Часто девочка видела, как они с отцом разговаривают, стоя на крыльце. Катя мечтала быть похожей на Анну Львовну. Как многозначительно та улыбалась, как курила! Сначала разминала сигарету тонкими пальцами, затем точным движением подносила огонек зажигалки – всегда сама, будто никому не доверяла эту ответственную миссию, – и жадно затягивалась...

А потом все кончилось. Никто так до сих пор и не знает почему, но через неделю после сорокалетия отец скальпелем перерезал себе вены. Кате тогда было пятнадцать. Веселая и общительная, она легко сходилась с людьми, была желанной гостьей на любой вечеринке. После смерти отца девочка почувствовала себя совсем одинокой. Забросила веселые компании, перестала учиться. Иногда в голове у нее появлялись отчаянные мысли – бросить все, пойти вслед за ним. Единственной, кто помогал ей в эти тяжелые дни, была сестра. Именно она уговорила Катю пойти учиться. О медицинской карьере девушка и слышать не могла и выбрала экономику, о которой ничего не знала, кроме того, что та очень далека от медицины.

Постепенно боль утраты стала не такой острой, но страх одиночества навсегда поселился в сердце Кати. У нее было много знакомых мужчин. Они появлялись и исчезали, не оставляя ни отклика в душе, ни сожаления. Иногда, лежа в постели с очередным ухажером, Катя вдруг ощущала себя до такой степени одинокой, что хотелось орать во весь голос, выть, кататься по полу.

Мать не понимала поведения дочери.

– Ты проститутка? – спросила она однажды.

После этого Катя собрала вещи и ушла жить в маленькую квартирку на окраине города, принадлежащую одному из ее друзей. Тот уезжал на заработки в Италию и предложил девушке пожить у него. С тех пор Катя почти не виделась с матерью – забегала редко, говорила односложно, все больше молчала. С сестрой они встречались чаще – иногда девушка заезжала к ней в больницу. Длинные сумрачные коридоры напоминали об отце. Катя иногда даже жалела, что не стала врачом, и обещала сестре, что когда-нибудь устроится к ним на работу санитаркой. Это ведь только в кино санитары в психиатрической больнице – атлетического телосложения мужики. В Вериней больнице такой имелся только один – бывший пациент, огромный, со здоровенными, покрытыми густой рыжей порослью ручищами, зверской физиономией и разумом десятилетнего ребенка, наивный и абсолютно безобидный.

А потом произошло событие, изменившее ход жизни Катерины. Стояла ранняя осень. Катя с компанией отмечала чей-то день рождения – обычное развеселое гулянье в маленьком ресторанчике на берегу реки, когда после нескольких организованных тостов начинается банальная пьянка. Разгоряченная, она вышла на улицу вдохнуть свежего воздуха. Привычно достала сигарету, размяла ее. Это было своеобразным ритуалом. Катя не знала, зачем так делает, – курить она не любила. Но каждый раз, поднося огонь к сигарете, представляла себя прекрасной хирургиней, а рядом... Рядом должен был стоять отец.

Внезапно в темноте вспыхнул огонек – чья-то рука поднесла горящую зажигалку, Катя привычно замотала головой – сама, только сама. И вдруг... Рукав пиджака человека с зажигалкой потянулся немного вверх, позволяя увидеть манжету рубашки, скрепленную золотой запонкой. Как замороженная смотрела Катя на эту немного старомодную вещицу, ибо за всю свою не такую уж долгую жизнь она видела рукав, застегнутый на запонку, два раза – у отца и у незнакомца, стоящего напротив.

Первый раз в жизни Катя прикурила сигарету из чужой руки. Она обвила эту руку пальцами, наклонила лицо к огню, нервно затянулась и задержала дыхание. Как же ей хотелось, чтобы эта минута тянулась бесконечно! Не отрывая рук, она подняла глаза и встретила с его взглядом. Это был мужчина лет сорока, из тех, которых ее подруга Шурка называла «папиками». Очень высокий – отпустив, наконец, его руку и выпрямившись, Катя едва доставала ему до плеча. В темноте она почти не видела его лица – только глаза. Он смотрел на нее спокойно, без каких бы то ни было эмоций. Просто смотрел. Катя поправила упавшие на лицо волосы и попыталась улыбнуться – улыбка получилась какой-то кривой, заискивающей.

– Поехали? – вдруг прервал молчание он.

Катя поняла, что он принял ее за проститутку, но сейчас была готова на все, лишь бы он не ушел, не оставил ее. Незнакомец шагнул к здоровенному черному джипу.

Ни у одного из Катиных знакомых не было такой крутой тачки.

– Прошу, – он приглашающим жестом показал на кожаное сиденье. Катя скользнула в машину, мужчина захлопнул дверь.

– Ну что, куда поедет? – спросил он, садясь за руль.

Ей вдруг стало не по себе. Она не могла себе представить, что сейчас они приедут в ее квартирку и... Катя почувствовала, что еще мгновение, и она задохнется, воздух, казалось, сгустился, как новогодний холодец, она всхлипнула и вдруг разрыдалась в голос.

Он опешил, а потом завел двигатель, включил музыку и тихо тронулся с места. Катя чувствовала, что мужчина раздражен, но ничего не могла с собой поделать, рыдания душили ее. Она стала рыться в сумочке в поисках платка. Заметив это, мужчина кинул ей на колени упаковку салфеток. Стараясь справиться с охватившей ее дрожью, девушка вытащила одну и приложила к пылающему лицу. Салфетки были влажные, с каким-то очень знакомым фруктовым запахом. Вдохнув его, Катя немного успокоилась. Она была благодарна этому чужому человеку за то, что он не пытался успокоить ее, дал нареветься.

– Ну, и по какому поводу слезы? – спросил он; в голосе не было и следа недавнего раздражения.

И тогда Катя, сама не зная почему, вдруг рассказала все – об отце, о рыбалке, о красавице-хирургине, курившей на крыльце больницы, о своей пропащей жизни. Только об одиночестве не стала рассказывать, потому что незнакомец, наверное, и сам все понял.

– Меня зовут Олег, – коротко сказал он.

– А отчество? – замялась она, как-то неудобно было называть Олегом человека в два раза старше.

– Просто Олег, – отрезал он, – не такой уж я и старый, – и добавил: – Может, заедем куда-нибудь выпьем кофе?

Катя закивала, потом вытащила из сумочки крохотное зеркальце и стала по частям рассматривать лицо. Нос распух, глаза красные. Она достала еще одну салфетку, приложила к носу, стараясь вспомнить, что же это за запах. Так и не разобравшись, поднесла упаковку к глазам и в свете несущихся навстречу со скоростью не меньше ста километров в час уличных фонарей прочитала: «грейпфрут». Родственник апельсина с привкусом горечи.

Джип затормозил у кафе. Заведение оказалось очень уютным. Катя никогда здесь не была, но сразу подпала под неуловимое обаяние темно-зеленых бархатных скатертей и таких же штор. Поверх скатертей на столах лежали полотняные салфетки, украшенные изящными кружевами. Высокие бокалы и свечи создавали романтическое настроение. Откуда-то сверху лилась тихая, очень спокойная музыка. Внимание девушки привлекли висящие на стенах небольшие пейзажи в черных рамках. Бесконечная грусть сквозила в каждом штрихе. Катя подошла к стене, всматриваясь в осенний пейзаж. Дождь, лужи, одинокий наполовину облетевший тополь – все это напоминало ее жизнь.

Олег сидел за столом и внимательно рассматривал свою спутницу. Он пытался понять, что привлекло его в этой девчонке, и не мог. Худенькая, на устрашающе высоких каблуках, с торчащими во все стороны спиральками неестественно рыжих волос и огромными светлыми глазищами.

– Что тебе заказать? – окликнул он Катю.

Девушка вздрогнула, с трудом оторвала взгляд от понравившейся картины.

– Не знаю, – замялась она, – кофе, – и, словно нырнув в ледяную воду, добавила: – вина...

Она знала наверняка, чем закончится этот вечер, и хотела напиться, чтобы было не так страшно. Как это Шурка говорила? Инцест. Вот-вот, инцест.

– Вина? – в его голосе зазвучала дружеская насмешка. – И какое же вино предпочитают юные леди?

– Ну... Шампанское...

Она села напротив и стала внимательно рассматривать его лицо, словно энтомолог, изучающий неизвестного жука. Светлые волосы, высокие залысины на лбу, уставшие светло-голубые глаза, словно выгоревшие на солнце, глубокие морщины вокруг глаз и рта. Ничего привлекательного... Разве только улыбка...

Подчеркнуто внимательный официант в черном фраке, ослепительно белой рубашке и белоснежных перчатках положил на стол меню в кожаной обложке, зажег стоящую на столе свечу. «Боже, как же, наверное, все здесь дорого», – подумала Катя, открывая папку. При виде четырехзначных цифр возникло только одно желание – вернуться в теплый и пахнущий грейпфрутом салон машины. Но это сразу приближало к необходимости куда-то ехать, а Катя еще не была к этому готова. Мысль о том, что в финале ей придется лечь в постель с мужчиной, напоминающим отца, казалась просто кошмарной.

– Я хочу шампанского и больше ничего, – заявила Катя, закрывая папку.

Олег молча пожал плечами.

– Какое у вас есть хорошее шампанское? – спросил он у официанта, напирая на слово «хорошее».

– «Мумм» и «Перрье Жуэ».

Олег вопросительно посмотрел на спутницу.

«Блин, что за названия такие? «Мумм» какой-то... «Жуэ» – подумала Катя, но ударить лицом в грязь она не могла.

– Ну, раз у вас ничего другого нет, придется обойтись «Мумм», – не сводя глаз с Олега, сказала она, а сама подумала: «Может, надо было сказать: обойтись «Муммом»?»

Но увидев, как уголки губ Олега слегка дрогнули в одобряющей улыбке, поняла: попала.

А он смотрел на нее – совсем девчонку и вдруг подумал, что ощущает себя Гумбертом Гумбертом, любующимся Лолитой. Олег не мог отвести глаз от ее почти детского лица, покрасневшего от недавних слез носа, трогательно припухшей верхней губы. И пусть сидящая напротив девушка совсем не походила на юную угловатую нимфетку, Олег почувствовал удивительную непринужденность. Обычно при общении с девицами легкого поведения он испытывал определенную неловкость, а Катя почему-то забавляла его.

Официант принес бутылку в ведерке, открыл ее с легким хлопком и наполнил бокалы.

– Ну, за знакомство, – сказал Олег.

Катя подняла бокал за тонкую граненую ножку.

– За знакомство!

Шампанское оказалось колючим, резким, совсем не похожим на привычные напитки. Пузырьки защекотали в носу, стало по-праздничному весело.

Олег рассказывал о шампанском, различных технологиях его изготовления, о подземных винных погребах. А Катя сидела и смотрела на него, и столько восторга было в ее лучистых светло-серых глазах, что он не удержался, взял руку, лежащую на столе, и нежно прикоснулся губами к маленькой ладони.

От этого непривычного жеста она растерялась. А потом аккуратно высвободила руку и, чтобы скрыть смущение, нарочито грубо предложила:

– Может, выпьем еще?

Он молча налил ей шампанского, добавил немного в свой бокал.

«Хочет напоить», – подумала Катя, а вслух произнесла:

– А себе? Почему вы так мало пьете?

– Во-первых, не вы, а ты. А во-вторых, я же за рулем. Мне еще надо довезти свою очаровательную спутницу в целости и сохранности. Где ты живешь?

– Ты... Нет, как-то это неправильно...

– Да что?.. Что неправильно? А хочешь – выпьем на брудершафт? – он поднял бокал.

Она растерянно смотрела на него, на лице отражалась напряженная борьба между желанием уйти и желанием остаться. Приняв, наконец, решение, она резко откинула со лба рыжие завитки, подняла бокал и прикоснулась им к бокалу мужчины. Раздался тихий звон. Катя резко поднесла бокал к губам и сделала огромный глоток, а потом закрыла глаза и подставила губы для поцелуя. Олег сделал маленький глоток, поставил бокал, встал, подошел к девушке и осторожно прикоснулся губами к ее губам. Катя осталась сидеть все в той же не совсем удобной позе с закрытыми глазами в ожидании продолжения. Через несколько секунд она поняла, что больше ничего не будет, и открыла глаза. Олег сидел и смотрел на нее. И в этот момент Катя решила, что все ерунда, и Шурка – дура, и все, что было до сих пор, не стоит и мизинца этого папика. И единственное, чего она хочет, – чтобы он еще раз поцеловал ее.

– Я хочу домой, – воскликнула Катя, вставая со стула так резко, что он чуть не опрокинулся. – Это мы заберем с собой, – вытаскивая из ведерка бутылку, сообщила она официанту.

Ноги почему-то заплетались.

– Вот черт! – выругалась Катя, наткнувшись на неизвестно откуда взявшуюся дверь.

– Осторожно, ты тут все поломаешь, – раздался сзади насмешливый голос Олега.

– А меня тебе не жалко? – ей стало обидно.

– Жалко, жалко! – он подхватил ее под руку и уверенно повел к машине. – Только не реви!

– И не подумаю.

Обратная дорога слилась в мелькание пролетающих огней под звуки убаюкивающей музыки. Катя погрузилась в состояние приятного полусна-полуяви. Сквозь этот сон до нее доносились обрывки слов, звон ключей от квартиры, заботливые руки, укладывающие ее на диван и укрывающие пледом.

«Почему так светло?» – подумала Катя и проснулась. Она лежала на кровати, в незашторенные окна светило солнце. Поморщившись, девушка села, опустила ноги на пол. «Странно, как все это, однако, странно», – она никак не могла вспомнить, как оказалась в постели одетой, укрытой пледом. День рождения помнила, ночную поездку на огромном черном автомобиле помнила, шампанское помнила, даже картину с одиноким тополем под дождем помнила, а как оказалась дома и, самое главное, было ли что-нибудь потом или нет, полностью выветрилось у нее из головы.

«А может, мне все приснилось?» – мелькнула в голове мысль. Зацепившись за нее, как за спасительный круг, Катя встала и побрела в ванную. Теплые струи немного взбодрили, но память возвращаться не спешила. «Было или нет?» Надев халат и замотав голову полотенцем, Катя пошла на кухню.

На столе стояла темно-зеленая бутылка, рядом лежал листок бумаги: «Спасибо за компанию. Если захочешь продолжить знакомство – позвони. Олег». Внизу был написан номер телефона. Через мгновение Катя, дрожа от нетерпения, уже нажимала на кнопки.

– Я слушаю, – раздался в трубке его голос.

От волнения Катя забыла, что хотела сказать.

– Я вас слушаю, – нетерпеливо повторил Олег.

– Это я, Катя, – только и смогла вымолвить она.

– Привет, – она почувствовала, что там, на другом конце провода, он улыбается.

– У меня тут шампанское осталось, а выпить не с кем.

– Это приглашение?

– Наверное...

– Кстати, извини, пока ты спала, я позволил себе... – тут он сделал небольшую паузу.

– Что? – задыхнулась Катя.

– Я позволил себе поискать что-нибудь съестное у тебя на кухне.

– Ну и как? – с облегчением выдохнула Катя.

– Удивляюсь, как ты до сих пор не умерла с голоду. Придется взять над тобой шефство в этом вопросе.

– Я согласна, – радостно ответила Катя и тихо добавила: – И во всех других вопросах тоже.

Повесив трубку, она еще долго перебирала в памяти его слова. Сердце было полно волнующего ожидания.

А потом он пришел. С букетом роз и огромным пакетом продуктов. Катя попыталась было сообразить каких-то бутербродов, но он мягко, но настойчиво повлек ее на диван. Это было совсем новое, необычное ощущение. В отличие от прежних Катиных знакомцев, Олег был совсем другим: уверенным в себе, спокойным, неторопливым и бесконечно нежным.

Вскоре Катя мечтала только об одном: чтобы он остался с нею навсегда. Ей хотелось, проснувшись утром, долго-долго смотреть на него спящего. Тихо касаться его лица, чувство-

вать его дыхание, кормить его завтраком, провожать на работу, смотреть, как он садится в машину и выезжает со двора. Но, к сожалению, каждый раз он уходил домой. Катя догадывалась, что у него семья, может, даже маленький ребенок, но любовь сделала ее эгоистичной. Она наконец нашла свое счастье и наслаждалась каждой минутой, проведенной рядом с этим мужчиной.

Наступило лето. Жаркое, пахнущее акацией и шаурмой, жарившейся в крошечном кафе прямо под Катиными окнами. В середине июня Олег пришел немного смущенный.

– Извини, мне нужно уехать, – сообщил он с порога.

Катя так и застыла, не в силах произнести ни слова.

– Ну что ты, Катюша, я ненадолго, всего на три недели, – он взял ее за руки и попытался заглянуть в глаза.

Она зажмурилась, боясь, что как только откроет глаза, сразу расплачется, испортит старательно наложенный макияж. Ведь ей так хотелось ему понравиться! Катя высвободила руки, пошла на кухню и села, подперев голову руками. Он встал в проходе, опершись плечом о дверной косяк, и молча смотрел на нее.

– Возьми меня с собой, – справившись с охватившим ее отчаянием, произнесла Катя.

– Не получится, – он покачал головой.

– Но почему?

– Во-первых, у тебя сессия, а во-вторых... Не могу, понимаешь? Не-мо-гу, – произнес он по слогам.

– Почему? Почему не можешь? Ты едешь со своей семьей?

– Какая разница, с кем я еду? – поморщился Олег. – Я просто уезжаю, вернусь двенадцатого июля и сразу приеду к тебе. Неужели ты хочешь испортить наш прощальный вечер?

Он подошел к ней, присел на корточки.

– Катюша, ведь нам с тобой так хорошо! Правда, хорошо?

Она кивнула.

– Ну посмотри на меня, пожалуйста!

Катя подняла голову, их глаза встретились.

– А можешь ты хотя бы сегодня остаться со мной на всю ночь? – спросила она.

Он отвел глаза, словно смутившийся подросток. Кате захотелось сказать что-то резкое, оттолкнуть его, но он, казалось, понял ее намерения. Легко, словно куклу, Олег поднял девушку, развернул к себе, крепко прижал, будто боялся, что драгоценная ноша выскользнет у него из рук, и бережно отнес в освещенную уличными фонарями комнату.

Эти три недели показались Кате длиннее самой долгой и холодной зимы.

Она сдала последний экзамен, но не почувствовала никакой радости. Выйдя из университета, брела по улице, сама не зная куда.

«А может, съездить к сестре в больницу?» – мелькнула в голове мысль. Катя села в автобус и уже через полчаса шагала по асфальтовой дорожке между пушистыми сосенками. Больничный парк был ухоженным и красивым, пахло хвоей и смолой, весело чирикали воробьи. Но Катерина не замечала всей этой красоты. Ее мир был серым и тоскливым.

После яркого солнечного дня вестибюль встретил ее мрачной сыростью. Катя нажала на кнопку звонка. Дверь открыла огромная угрюмая женщина.

– Чего звоните? – сварливым голосом осведомилась она. – Расписание читайте: посещение больных после семнадцати.

– Я к доктору Дружининой, – испуганно пискнула Катя, – я ее сестра.

– Сестра? – грозно рыкнула толстуха и неожиданно улыбнулась, сразу утратив свой воинственный вид. – А похожа, до чего похожа, только рыжая. Проходи, знаешь куда идти?

Катя кивнула, протискиваясь в приоткрытую дверь, и побежала по коридору.

Кабинетик, маленький и душный, больше походил на шкаф. Вера сидела за столом, рядом на кушетке девочка лет двенадцати прижимала к груди яркую книжку.

– Катюша! – обрадовалась Вера, вскочила, обняла сестру. Потом отстранилась, внимательно осматривая Катю. – Как же я давно тебя не видела, молодец, что зашла! Ты надолго?

Катя пожала плечами.

– Ты иди, Лизонька, – сказала Вера девочке.

Та с недовольным видом поднялась, скривила губы и детским капризным тоном проговорила:

– Вера Петровна! Ну можно я еще немного посижу? Я тихонько!

– Иди Лиза, иди, я освобожусь и обязательно зайду к тебе.

– Правда? – в глазах девочки было столько искренней любви, что Катя невольно позавидовала сестре.

– Хорошо тебе тут, – сказала она, когда дверь за Лизой закрылась.

– Хорошо! – кивнула Вера. – Ты лучше расскажи, как поживаешь.

Катя уселась на кушетку и стала рассказывать. Сначала об институте, об экзаменах, потом о своей жизни, потом об Олеге, непонятных отношениях, его отъезде. Рассказывая о последнем вечере, девушка не выдержала и разрыдалась.

– Представляешь, он даже не захотел рассказать, куда и зачем едет! – всхлипывая, пожаловалась она Вере.

Вера налила стакан воды, протянула сестре, а сама села рядом, обняла ее за плечи и молча слушала судорожные всхлипы.

– Верунь, сделай мне какой-нибудь укол, чтобы я заснула и проснулась двенадцатого июля.

– Дурочка ты моя, маленькая глупая девочка, – Вера гладила непослушные волосы сестры. – Ну что ты такое выдумала? Посмотри, как хорошо на улице. Лучше поезжай куда-нибудь. Хочешь, куплю тебе путевку? К морю, в горы... Оставь все, отдохни. Попробуй пожить своей жизнью...

– Тебе хорошо, ты доктор, тебя все уважают, а я? Кто я? С тех пор как умер отец... – Катя снова захлебнулась в рыданиях.

– Девочка моя, отец умер уже давно, а ты до сих пор не можешь его простить...

– Как простить? – всхлипнула Катя, вырываясь из объятий сестры. – Он же бросил меня!

– Он не хотел тебя бросать, так получилось. Он выбрал этот путь, а ты не можешь принять его, простить. Попробуй, ведь это несложно. Скажи ему: «Папа, я прощаю тебя и отпускаю, покойся с миром». Вот увидишь, тебе станет гораздо легче.

– Я что, по-твоему, придурочная? – возмутилась Катя.

– Ну почему? Просто маленькая запутавшаяся девочка, которая не дает себе быть счастливой.

– Ты ничего не понимаешь, – злилась Катя, – и про Олега тоже... Не могу я от него уехать... Я люблю его...

– Конечно, любишь, – Вера притянула к себе отчаянно сопротивляющуюся сестру, обняла, прижала к себе. Постепенно Катя успокоилась, обмякла.

– Я уверена, что твой Олег – хороший человек. И если он не взял тебя с собой, значит, имел на это веские причины. Мне кажется, вам сейчас нужна именно такая передышка, чтобы посмотреть на свои отношения со стороны, оценить их, решить, как жить дальше.

Голос сестры звучал спокойно, мягко, Катя почувствовала, как злость потихоньку улетучивается, уступая место состоянию опустошенности и отчаянного пофигизма. Глаза закрылись и, сама того не заметив, она задремала.

Когда Катя проснулась, за окном уже стемнело. Она увидела, что лежит на кушетке в кабинете сестры, заботливо накрытая коротким детским одеяльцем.

Катя встала, пригладила пальцами растрепавшиеся волосы и отправилась на поиски Веры. Дремавшая в коридоре медсестра, миловидная женщина лет сорока, вздрогнула от неожиданности.

– В-в-в-ера Петровна... Ч-ч-ч-то с вами? – заикаясь, произнесла она.

– Я не Вера, я ее сестра, а где она сама?

– Фу, – облегченно выдохнула медсестра, – а я уже думала, что у меня галлюцинации, сейчас позову, она в пятой.

Спрятав в стол глянцевого журнала, который она листала перед Катиним появлением, медсестра пошла по коридору. На ногах у нее Катя с удивлением увидела смешные тапки в виде собачек.

– Ну что, соня, выпалась? Хочешь чаю? – спросила Вера.

– Ага.

Кате было необычайно хорошо, не было желания куда-то ехать, а хотелось шлепать по этому коридору с пузырящимся линолеумом в тапках-собачках.

Чай действительно был отличным. Горячий, пахнущий незнакомыми травами, он будил в душе воспоминания о детстве, о рыбалке. Вера тоже о чем-то задумалась.

– Прикольный чай, – наконец прервала молчание Катя.

Вера, все еще находящаяся в своих мыслях, подняла на нее недоумевающие глаза, а потом покачала головой, словно освобождаясь от навязчивых дум, улыбнулась:

– Это Васильевна, медсестра приносит. А знаешь, – глаза Веры сощурились, и тихим заговорщицким голосом она прошептала: – Васильевна у нас ведьма. Колдунья. Травы собирает волшебные и поит нас, а в полнолуние летает на тусовки.

Катя недоуменно смотрела на сестру: что это с ней? А Вера вдруг расхохоталась так звонко, так заразительно, что Катерина невольно присоединилась к ней. Смех душил ее, по щекам текли слезы, а она все никак не могла остановиться, представляя медсестру в тапках-собачках, летящую по ночному небу на метле.

– Ладно, хватит смеяться, скоро автобус, не успеем – придется ждать маршрутку, а они ходят без расписания, можно простоять очень долго.

Попрощавшись с медсестрой, девушки вышли из больницы и направились к остановке.

– Поехали к нам, – предложила Вера, – мама будет очень рада.

– Нет, не хочу, она меня терпеть не может.

– Ну что ты выдумала, Катя! Что за глупости!

– Вер, не проси, не поеду. Честно. Может, немного позже, но не сейчас. А вот... – она запнулась, – давай сходим к отцу. – Катя вопросительно посмотрела на Веру. – Ты давно у него была?

– Давай, – согласилась Вера и, что-то прикидывая, стала загибать пальцы. – В субботу с утра тебя устроит? Часиков в девять?

– Конечно, давай встретимся прямо у ворот.

– Хорошо, – Вера кивнула. – Ты все-таки подумай о том, о чем мы с тобой говорили. Насчет отца.

Проснувшись утром, Катя внезапно почувствовала, что тоска по Олегу стала какой-то другой. Ей по-прежнему его не хватало, но это было совсем не то чувство, которое она испытывала несколько дней назад. На смену отчаянию пришла жажда деятельности. Осмотрев комнату, Катя заметила притаившуюся в углах паутину. Хрустальную люстру, вероятно доставшуюся хозяину квартиры от прапрапрабабушки, покрывал слой пыли, шторы потеряли первоначальный цвет, а окна в солнечных лучах выглядели замарашками. Засучив рукава, Катя принялась за дело. К вечеру она падала с ног от усталости, но окна сияли, хрусталики люстры искрились всеми цветами радуги, а потолок радовал почти первозданной белизной. Катя, довольная собой, придирчиво оглядывала комнату в поисках фронта работ на завтра.

Внезапно ее мысли прервал телефонный звонок. Катя бросилась в прихожую и лихорадочно стала рыться в сумке в поисках мобильного. Олег! Стоило ей забыть его, как он тут как тут.

– Привет! – раздался в трубке веселый голос.

Катя уселась на пол, поджав под себя ноги.

– Привет, – она почувствовала, что сейчас заплачет. – Как ты?

– Катюша! Я очень скучаю. Знаешь, мне надо было уехать, чтобы понять, как мне тебя не хватает. Я скоро приеду. Ты что, плачешь?

– Нет, – промычала она.

– Ну и молодчина. А знаешь, я купил тебе подарок. Очень красивый. Кать, ну что ты молчишь?

– Я слушаю. Я очень рада, что ты купил мне подарок, – она говорила с трудом, стараясь сдерживать душащие ее слезы.

– Ты что, не хочешь со мной разговаривать? До сих пор злишься? – в голосе Олега зазвучало раздражение.

– Нет, – Катя старалась говорить как можно спокойнее, – просто голова болит.

– Ты не заболела? – раздражение сменилось тревогой.

– Все нормально, мыла окна и немного устала.

– Давай ложись, отдохни, я тебя целую, – сказал Олег и отключился.

– Я тебя тоже целую, – сказала Катя замолчавшей трубке, легла на пол, подтянув колени к груди, и лежала так долго-долго, пока не почувствовала, что ноги и спина застыли.

«Не хватало и в самом деле заболеть», – подумала она, встала, легла на кровать, укуталась в одеяло и заснула глубоким сном без сновидений.

В субботу Катя поехала на кладбище. Утро было прохладным, с запахом полевой свежести, но высокое небо с голубыми и розовыми облачками обещало к полудню безжалостную жару. У ворот уже ждала Вера. Сестры шли по дорожке, вдыхая аромат сирени, полыхавшей повсюду лилово-пурпурным великолепием.

На могиле отца тоже цвела сирень – ее тяжелые гроздья почти касались земли. Раскрывались нарциссы, посаженные Катей в прошлом году.

«Как же тут хорошо!» – подумала Катя и сказала:

– Когда я умру, хочу, чтобы меня похоронили рядом с отцом.

– Ну ты прямо как в анекдоте, – улыбнулась Вера, хотя ей страшно было слышать такие слова. – Два человека пришли на кладбище, на могилу старого друга. Один говорит: «Смотри, как он хорошо устроился – свежий воздух, прекрасный вид. Когда умру, хочу лежать с ним, а ты?»

Второй отвечает: «А я хочу лежать рядом с мадам Грицацуевой».

«Ты что! Она же жива!»

«Так отожд!»

– Не смешно, – сказала Катя.

– Абсолютно, – подтвердила Вера.

Отец улыбался дочерям с фотографии на памятнике. Катя достала из сумки носовой платок, оттерла портрет от пыли. Не сводя глаз с каменного надгробия, опустилась на стоящую рядом скамеечку.

Вера наблюдала молчаливый диалог дочери с отцом. Ей было бесконечно жаль сестру, она напряженно обдумывала, как помочь Кате избавиться от тяжелого комплекса, тянувшегося из детства. Эти мысли словно передались сестре. Та вдруг вспомнила слова Веры: «Папа, я прощаю тебя и отпускаю!». Ей показалось, что в глазах отца промелькнуло подобие улыбки. «Папа, я прощаю тебя и отпускаю», – вновь мысленно произнесла девушка. Глаза отца на фотографии стали ярче. «Я прощаю тебя и отпускаю», – словно молитву повторяла Катя, ощущая себя пловцом, вынырывающим на поверхность с большой глубины. Тоска, охватывавшая ее

каждый раз, когда она вспоминала об отце, казалось, осталась там, внизу, а она стремительно поднимается вверх, к жизни.

Наконец, она встала, тряхнула головой, словно возвращаясь из мира призраков в мир людей, и кивнула сестре:

– Пойдем?

Вера взяла ее под руку, и сестры направились к выходу.

В маленьком автобусике, везшем их с кладбища, девушки были одни.

– Кать, у мамы двенадцатого день рождения. Приходи! Знаешь, как она обрадуется!

Катя буркнула что-то невразумительное, притворившись, что увлечена рассматриванием пейзажа за окном. Ей сейчас ужасно не хотелось говорить о маме.

– Подарок вместе купим! – не отступала Вера. – Знаешь, я вот что подумала: а давай ты пригласишь Олега...

– Как ты себе это представляешь?! – взорвалась Катя.

– Я думала, ты меня не слышишь, – нарочито радостным тоном сказала Вера.

– Во-первых, он не пойдет, я даже пытаться не буду, а во-вторых, представляю, что она ему обо мне расскажет...

– Да ничего не расскажет, она же любит тебя, Катюшка!

– Нет, даже не проси. Тем более что он двенадцатого как раз приезжает. Нам слишком о многом надо поговорить.

* * *

– Катюш, привет, я тут немножко задержался, так что извини, сегодня прийти не смогу. Не сердись, Дуся.

По этой Дусе Катя поняла, что Олег немного навеселе и не хочет садиться за руль. И вообще ничего не хочет.

– Но так же нечестно, я так ждала тебя! – возмутилась она, чувствуя, как слезы обиды приготовились хлынуть из глаз.

– Давай не будем ссориться, я привез тебе такой подарок, что ты сразу меня простишь. О таком мечтает каждая девушка.

Катя молчала.

– Ладно, целую тебя, я еще позвоню, – он положил трубку.

Катя сидела и слушала короткие гудки. В груди все кипело от ярости, хотелось бросить телефон об пол, что-нибудь разбить, расшвырять, но она продолжала тупо сидеть, бессильно опустив руки. Она ожидала всего чего угодно, только не этого. А что если?.. Отдернув занавеску, Катя вышла на балкон, перевесилась через перила. Представила свое тело, лежащее на земле. Кровь, смешавшуюся с землей, грязные волосы. Нет. Ее передернуло от отвращения. Пошатываясь, она побрела в ванну и стала остервенело смывать вечерний макияж. Холодная вода немного уредила бушевавшую в душе злость.

«Ничего, – успокаивала себя девушка, – ждала три недели, подожду еще один день. Подумаешь – всего один день, двадцать четыре часа...» Она хотела сосчитать, сколько это будет минут, но подсчеты прервал телефонный звонок. Катя бросилась к телефону.

– Олег!

– Кать, это я.

– Верочка! Как хорошо, что ты позвонила!

– Я подумала, может, ты все-таки передумаешь насчет маминго дня рождения?

Катя почувствовала, что сейчас опять заплачет.

– Ну чего ты молчишь? Ты что, ревешь?

– Нет, только собираюсь, – Катя вдруг почувствовала, что ей очень хочется увидеть Веру. И пусть ради этого надо идти к матери, выслушивать ее замечания. Главное – рядом будет сестра, молчаливая, спокойная.

– Вера, Верочка, я приду! Ты где сейчас?

– Я еще в больнице, но уже выезжаю.

– Хорошо, я буду ждать тебя.

– Договорились.

– Я люблю тебя, Верочка, – Катя положила трубку и побежала переодеваться.

Придирчиво осмотрев себя в зеркале, она решила пойти такой как есть, без макияжа – незачем лишний раз дразнить мать.

На остановке Катя купила букет мелких ароматных гвоздик. Вскоре приехала Вера. «Какая же она замученная», – подумала Катя.

– Вот это сюрприз! – всплеснула руками мать, открывая дверь. – Катерина! Какими судьбами?

Катя почувствовала, как нижняя губа задрожала, и, чтобы не разреветься, стала усиленно моргать, делая вид, будто что-то попало ей в глаз.

– Поздравляю, – она сунула матери букет и подумала: «Зря я сюда пришла, ой зря!»

– А где же гости? – спросила Катя, проходя в комнату.

Мать замаялась, повисла неловкая тишина.

– А вот вы и есть гости, мои самые дорогие гости! – наконец нашлась она. – Знаешь, Катюша, а я ведь ждала тебя. Знала, что не придешь, а ждала. Вот и пирог твой любимый испекла, как в детстве. Помнишь, ты любила, полосатик? Верушке больше «Наполеон» нравился, а тебе... – она замолчала.

А Катя вдруг ощутила удивительный запах ванили, сметаны, взбитой с сахаром, даже вкус мягкого, пропитанного кремом пирога. Дух перехватило от таких сладких воспоминаний. Она давно запретила себе даже думать о далеких днях детства. Любое воспоминание обязательно ассоциировалось с отцом, с ощущением тяжести утраты. Но сейчас Катя поймала себя на том, что в первый раз подумала об отце без боли, с теплом и нежностью.

– Вы садитесь, я сейчас на стол накрою, – засуетилась мать.

– Мам, ты не торопись, мы с Катюшей немного пошепчемся.

– Пошепчитесь, пошепчитесь, – одобрительно кивнула виновница торжества.

Вера затащила сестру в свою комнату. Катя села на кровать и вновь вспомнила разговор с Олегом.

– Что-то у тебя постоянно глаза на мокром месте, – заметила Вера, усаживаясь в кресло напротив сестры.

– Да нет, ничего... Все нормально.

– Ну, нормально так нормально. Только я тебя не узнаю. Была Диана-охотница, а стала царевна-несмеяна. Смотреть противно.

– А ты не смотри, – вспыхнула Катя, вскакивая с кровати.

– Сиди, – Вера с силой дернула ее вниз, Катя не удержалась и уселась обратно. – Ты вот все говоришь – отец, отец. Думаешь, он бы обрадовался, видя, как ты тут рыдаешь? Ты ведь красивая девчонка, что ты уцепилась за этого Олега? Открой глаза, оглядись по сторонам – вокруг полно холостых мужчин, что ты заиклилась на нем?

Катя смотрела на Веру и не узнавала. Это была совсем чужой, незнакомый человек. Жестокие фразы били наотмашь, Катя ощущала почти физическую боль от каждого слова, но не могла согласиться с сестрой.

– Вер, – жалобно простонала она, – ты считаешь, что я должна бросить его?

– Нет, я так не считаю. Но ты должна жить здесь и сейчас, а не ждать какого-то призрачного счастья.

– Девчонки, ну где вы, так нечестно! – раздался из-за двери голос матери.

– Идем, мы идем. – Вера подскочила с кресла, схватила сестру за руку и потащила к столу.

Вечер был испорчен. Они сидели втроем за столом, но каждая сама по себе, наедине со своими мыслями, замкнувшись в своем одиночестве.

Через час Катя стала собираться домой.

– Может, переночуешь? – спросила мать, но по ее тону Катя поняла, что ей это абсолютно ни к чему.

– Нет, мам, я к себе пойду.

– Ну, как знаешь, – пожала плечами мать.

Придя домой, Катя обнаружила на мобильном шесть непринятых звонков от Олега.

«Вот блин, – подумала она, засыпая, – надо же было забыть дома телефон!»

Утро началось со звонка Олега.

– Который час? – еще не проснувшись окончательно, спросила она.

– Уже девять! Где ты вчера была? – его голос был полон негодования.

Катя почувствовала, как нижняя губа задрожала, но вдруг вспомнились Верины слова.

– А ты где был?

– Но я же позвонил и предупредил, что не смогу прийти! – он не ожидал такого отпора.

– А я не хотела звонить – вдруг ты в это время развлекался с женой, не хотелось мешать.

– Кать, давай не будем ссориться, – внезапно пошел он на мировую, но Катя не хотела останавливаться на достигнутом.

– Ведь это из-за нее ты вчера не пришел? Конечно, вы так долго не виделись...

– Катя, что ты мелешь? У меня нет жены, просто вчера была встреча...

– Какая встреча?! – взвилась Катя, и вдруг до нее дошел смысл предпоследней фразы. – Нет жены? Как нет? Но ты же говорил...

– Да ничего я не говорил, это тебе так хотелось, а я не отрицал.

– Значит, тебе было наплевать на то, что я ревновала?

– Это было даже забавно.

– Да пошел ты... – она бросила трубку.

Телефон зазвонил снова. «Не буду брать», – мстительно подумала Катя и пошла умываться. Стоя под душем, она слышала непрекращающиеся трели. «Ничего, пусть звонит». Укутавшись в махровый халат, она сварила крепкого кофе. Телефон снова затрезвонил. «А вдруг это Вера?» – подумала Катя, снимая трубку.

– Тебе даже неинтересно, какой я привез подарок? – это явно была не Вера.

– Нет.

– Хватит дуться, я предлагаю устроить маленький праздник. Ты согласна?

– Я подумаю до вечера, – Катя сама не знала, что с ней творится. Она никогда раньше не позволяла себе разговаривать с Олегом в таком тоне. Ей казалось, что он может разозлиться и уйти. Сейчас, понимая, что это не так, Катя испытывала удовольствие от своей игры.

Помешивая ложечкой кофе, девушка задумалась: «Что же это за подарок такой?»

И вдруг поняла: кольцо! Олег решил подарить ей обручальное кольцо! А почему, собственно, нет? Он соскучился, понял, что любит ее, и решил... Катя глотнула кофе и погрузилась в мир грез.

Она представила себя в роскошном свадебном платье, выходящей из длиннющего белого лимузина, ветер развеивает юбки, играет с локонами... Глотнув еще немного остывшего кофе, Катя решила сделать красивую прическу. Вымыла волосы и накрутила на крупные бигуди. Долго выбирала, что надеть, и остановилась на любимом белом сарафане – очень нарядном, подчеркивающим тонкую талию и высокую грудь. До прихода Олега оставалось еще около часа, а Катя не могла найти себе места от волнения. Причесала волосы, побрызгала их лаком, потом

собрала в узел на макушке, снова распустила. «Да где же ты!» – она уже не в силах была сидеть спокойно и бегала то к зеркалу, поправить прическу, то к столу, расправить складки на скатерти. Когда, наконец, затрезвонил звонок, напряжение достигло критического предела.

– Какая ты сегодня... Просто слов нет, – отстранив ее, Олег по-хозяйски прошел на кухню и поставил на стол пакет с продуктами и бутылку вина. Катя заметила, что он пришел без цветов. Это немного не вписывалась в нарисованный воображением сценарий праздничного вечера. «Наверное, сильно торопился», – поспешила она оправдать гостя.

Олег снова посмотрел на нее.

– Нет, ну ты просто чертовски хороша! – он сгреб девушку в охапку и стал страстно целовать в шею.

– Подожди, ну что ты прямо с порога, давай хотя бы выпьем вина!

– Потом, успеем, как эта штука снимается? – он пытался стащить с Кати сарафан.

Не справившись с платьем, Олег увлек Катю на диван. Она попыталась оттолкнуть его, но почувствовала, что сопротивление только усиливает возбуждение, и позволила ему завершить начатое, кусая губы от обиды и унижения.

Когда все закончилось и к Олегу вернулась способность рассуждать здраво, он ужаснулся тому, что сейчас произошло, – он в первый раз практически изнасиловал женщину, причем не просто женщину, а бесконечно преданную, не способную дать отпор. И от этого его поступок казался еще более подлым. Глядя на отвернувшуюся к стене Катю, он испытывал почти физическую боль.

– Кать, прости, – Олег протянул руку, дотронулся до ее плеча.

Она дернулась, как от удара, отстранилась, быстро встала и вышла из комнаты, даже не поправив задравшееся платье. В прихожей бросила взгляд на отражение в зеркале: растерзанная прическа, размазанная тушь и, что самое ужасное, порванный на груди сарафан. Катя скользнула в ванную, закрыла дверь и долго умывалась холодной водой. Потом расчесала волосы, собрала их в пучок. Переодеться было не во что, и она так и вышла в рваном сарафане.

Олег сидел за столом. Он разлил вино в бокалы, темно-красное, торжественное.

– Катя, давай выпьем.

Она взяла бокал. Лицо после умывания стянуло, оно горело от холодной воды, но привычных слез не было. Внутри все закаменело. Не чокаясь, Катя запрокинула голову и выпила все вино одним большим глотком. Олег сделал маленький глоток и поставил бокал на стол.

– Иди ко мне, – он схватил ее за руки и усадил к себе на колени, – прости меня. Пожалуйста.

Катя высвободилась из его объятий и села на стул напротив.

– Закрой глаза, – потребовал Олег.

Она послушно зажмурилась.

– Протяни руку.

Катя протянула руку ладонью вниз, растопырив пальцы, и почувствовала, как он перевернул руку и что-то положил на нее. Открыв глаза, Катя увидела бордовую бархатную коробочку, в каких обычно хранят драгоценности. «Кольцо, я угадала», – подумала она, не ощущая при этом ни радости, ни того нервного возбуждения, в котором пребывала с утра.

– Ну что ты? Открывай!

Катя открыла футляр.

Разочарование было настолько острым, что она не смогла скрыть его.

В коробочке лежали серьги. Очень красивые, с белыми искрящимися камнями. В оцепенении девушка уставилась на подарок.

– Ну как? – вопрос повис в воздухе. – Тебе не нравятся? Это авторская работа, других таких ни у кого нет!

- Спасибо, – выдавила Катя, – извини, мне сейчас надо уйти.
- Куда уйти? Зачем? Или ты кого-то ждешь? Хочешь, чтобы я ушел?
- Да, жду. Уйди, пожалуйста.

Он молча развернулся и вышел из комнаты. Стук входной двери заставил Катю вздрогнуть. А потом стало совсем тихо. Только где-то в кухне капала вода. Кап-кап-кап... Словно слезы. Катя сидела в кресле, глаза ее были сухими. «Я больше никогда не буду плакать из-за мужиков», – пообещала она себе.

Она принесла с кухни бутылку, легла на диван и стала обдумывать дальнейшую жизнь, периодически запивая невеселые мысли вином, прямо из горлышка.

Когда она проснулась, за окном лил дождь. Катя слонялась по квартире в ожидании улучшения погоды, но дождь все не кончался. Приближался вечер. «А вдруг появится Олег?» – подумала она. И чем больше она об этом думала, тем страшнее становилось. Катя чувствовала, что не сможет сейчас встретиться с ним. Ну не сможет, и все. Она бросится ему на грудь, расплачется и все снова пойдет по давно установленному кругу: он все так же будет приходить, когда ему вздумается, уходить по вечерам, а она будет терпеть и рыдать. Вот если бы прямо с порога потребовать, чтобы Олег женился на ней. А вдруг он развернется и уйдет? Бросит ее? Ну и пусть бросает! Лучше сразу поставить точку. Или не лучше? Вконец запутавшись в своих желаниях, она нашла зонт, натянула ветровку и решительно открыла дверь. Если и есть человек, способный разобраться во всем этом потоке сознания, то это Вера. По улице неслись ручьи, ноги мгновенно намокли. У зонта была сломана спица, и вскоре холодные струйки побежали по спине, но Катя не замечала этих мелких неприятностей, настолько ей хотелось поскорее хоть как-то улучшить свою никчемную, как ей казалось в этот момент, жизнь.

Глава 4

Зайдя в комнату, Вера почувствовала: сестра не спит. Она села на диван, нашла Катину руку.

- Привет.
- Привет, я тебя ждала.
- Хочешь чаю?
- С вчерашним пирогом?
- Можно и с пирогом.

Вера притащила с кухни чайник, тарелку. Сидя с ногами на диване, Катя ела прямо руками, облизывая пальцы. Ей казалось, что она снова оказалась в детстве, если и хотелось о чем-то говорить, то только о тех днях, когда они жили все вместе.

- Знаешь, Вер, я тоже хочу такие же волосы, как у тебя, надоело быть рыжей.
- Это проще простого, у мамы даже краска есть, я утром тебя покрашу.
- А давай сейчас, чего ждать до утра?

Вера обреченно покачала головой – похоже, сон сегодня откладывается, и, добродушно ворча насчет дитя, которое лишь бы не плакало, пошла в ванную. Через полчаса Катя уже сидела на стуле с намазанными краской волосами и рассматривала бумаги на Верином столе.

– Ой, что я нашла! – она вытащила пластиковую папку с двумя довольно неумело нарисованными картинками. – Это же мы с Сенькой рисовали свои мечты! Ты их до сих пор хранишь? Надо же, какими дураками мы тогда были! Я хотела выйти замуж за миллионера. Ага, прямо выстроились миллионеры в очередь! А ты? Помнишь, Вера, ты хотела стать учительницей. Как же – учительницей! Мама с детства видела нас врачами и никем больше.

- Дай сюда!

Вера взяла у сестры папку, села в кресло и положила рисунки на колени. Как же давно она их не видела! И Сеня... Как давно она не видела Сеню!

Ей было двенадцать, Катерине десять. Стояло лето. По утрам солнце уверенно затопляло комнату. Занятия в школе закончились, и можно было наслаждаться законным бездельем. В тот день Катя со Славкой и Костиком, верными друзьями, как обычно, возились в зарослях сирени возле дома. Вера сидела и листала книгу тут же, на скамейке. Она была так поглощена этим занятием, что очнулась только от толчка в бок и шепота сестры:

- Глянь, какой урод!

Мальчик и правда был странным: невысокого роста, толстый, с приплюснутым лбом, нависающим над маленькими прищуренными глазками, с оттопыренными ушами и редкими, словно прилипшими к голове, волосами. Выйдя из подъезда неуверенной и оттого казавшейся неуклюжей походкой, он плюхнулся рядом с Верой.

Видно было, что ему хочется присоединиться к компании, хохотавшей в кустах, но он не решался.

Вечером девочки наперегонки рассказывали родителям о том, как прошел день.

– Наш новый сосед – такой урод! Фу! – поморщилась Катя, плюхаясь рядом с мамой на диван.

– Никакой не урод, – возразила мама, – просто не такой, как все. – И она с улыбкой потрепала Катю по торчащим вихрам.

- А какой? – настаивала девочка.

– С синдромом Дауна. У него лишняя хромосома, поэтому он не похож на обычных людей, – сказал папа, отложив газету.

Мать кинула раздраженный взгляд на отца.

– Как хорошо, что ты отказался преподавать в институте, бедные студенты... Девчонки же не знают, что такое хромосомы.

– Не знаете? – удивился отец и с недоверием посмотрел поверх очков.

Сестры дружно закивали головами, и папа пустился в длинные и непонятные объяснения.

– Он больной? – наконец, не выдержав, перебила Катя.

– Нет, не больной. Немного по-другому устроен, но это не значит, что он плохой человек.

Утром Вера побежала в библиотеку к тете Гале.

– Дайте мне что-нибудь про хромосомы.

Библиотекарша давно не удивлялась запросам любимой читательницы.

– На, держи, – она дала девочке увесистый том энциклопедии и несколько медицинских журналов, в которых Вера обнаружила дискуссию ученых: могут ли дети с синдромом Дауна жить полноценной жизнью.

Несмотря на определенные трудности с терминологией, тема захватила ее – еще бы, ведь предмет обсуждения не был каким-то абстрактным человеком, он жил с ней в одном дворе! Вере казалось, что сама судьба дает в руки замечательный шанс – проверить на деле то, о чем пишут в книгах. Почему-то вспомнились рассказы о врачах, испытывавших на себе новые вакцины. А еще было жалко мальчика, к которому судьба оказалась настолько несправедливой.

Возвращаясь домой, Вера увидела на скамейке возле подъезда нового соседа.

– Привет, – она села рядом с ним, – меня зовут Вера.

Он заулыбался, смешно наморщив лоб. Маленькие глазки превратились в щелочки с торчащими в разные стороны ресницами.

– А я Сеня, можно я буду с тобой дружить?

Вера не могла вспомнить, как первый раз попала домой к Сене. Комната мальчика поразила полным безличием: узкая, идеально заправленная кровать, шкаф, абсолютно пустой письменный стол, стул. И больше ничего. Ничего, говорящего о том, что в этой комнате кто-то живет. У Веры повсюду громоздились книги: на подоконнике, на столе, на кровати, на полу. Половина Кати изобиловала мягкими игрушками и портретами знаменитых красавцев. Здесь же все было абсолютно пусто и напоминало больничную палату. Напрасно глаза скользили по идеально гладким стенам в поисках хоть какой-нибудь зацепки.

– А где твои игрушки, книги?

Сеня улыбнулся жалкой, беззащитной улыбкой.

– Ты любишь читать? – настаивала Вера.

Мальчик пожал плечами. Разговор явно не клеился. Сеня сидел, втянув голову в плечи и сжав руками колени так сильно, что короткие пальцы побелели.

– Я не знаю, – наконец сказал он.

В это время из магазина вернулась Сенина мама. Увидев Веру, она очень обрадовалась.

– Ты, наверное, Верочка? Как хорошо, что ты зашла, а то Сеня приболел немного. Знаешь, он очень много о тебе рассказывает. Пойдем, поможешь выложить покупки.

Вера поняла, что женщина хочет поговорить наедине, и проследовала за ней на кухню.

– Садись. Хочешь чаю, кофе?

– Водички, если можно, – попросила Вера, усаживаясь на табурет и оглядываясь по сторонам.

Кухня была такой же, как Сенина комната, – больнично-безликой. Налив стакан воды, женщина села напротив. Она была немолодой, какой-то уставшей, печальной, с потухшими глазами и опущенными уголками рта.

Ее звали Натальей («Просто Наташа, можно без отчества»). Лет до семи у Сени было много друзей. Дети любили его за доброту и веселый характер. Он смеялся так, что все вокруг начинали хохотать, забывая про мелкие распри и ссоры. А потом друзья пошли в школу. Наташа тоже отвела сына в специальный интернат для детей с синдромом Дауна. Что случи-

лось со среды, когда сияющий Сеня с букетом разноцветных астр остался в классе, до пятницы, когда после работы она пришла забрать его на выходные домой, мать не знала. Но веселый, добрый, заразительно хохочущий мальчик превратился в бледного напуганного зверька. Выйдя из спальни, он бросился к матери, уткнулся лицом ей в колени и зарыдал так безутешно, что у Натальи заняло сердце.

– Сынок, ну что ты! – повторяла мать, глядя его по вздрагивающему затылку.

– Мамочкин сынок, соскучился, – прокомментировала поведение ребенка вышедшая из спальни воспитательница. – Вы не волнуйтесь, привыкнет. Ему тут лучше, чем дома.

Женщина Наталье не понравилась. Какая-то она была неестественная, и улыбка, кривившая ярко-красные губы, казалась фальшивой. «Может, это просто ревность материнская?» – пришло в голову. По дороге домой она пыталась расспросить Сеню об интернате, но тот упорно молчал.

За выходные мальчик немного успокоился, но когда в понедельник утром Наталья разбудила его, Сеня вновь расплакался. С трудом удалось матери уговорить его одеться и пойти в школу.

– А вот и наш Сеня! – встретила их воспитательница и, обращаясь к Наталье, прошептала: – Уходите, мамаша, уходите.

Наташа почувствовала, как сын стиснул ее руку.

– Пойдем, скажи мамочке «До свиданья», – воспитательница протянула руку, Сеня схватился обеими руками за мать и забился в истерику. С трудом оторвав от себя сына, Наталья оттолкнула его и, выскочив из комнаты, прижалась к холодной стене. Плач сына стал глуше – она поняла, что его увели в другое помещение.

Наташа вышла на улицу, свежий сентябрьский ветер остудил лицо. «Так надо, – уговаривала она себя, – так надо», – но внутренний голос шептал обратное.

Придя в пятницу, она была поражена видом сына. Вялый и абсолютно спокойный, он вышел к ней и достал из шкафчика обувь. Наталья заметила, что правый туфель он надевает на левую ногу.

– Сынок, так неправильно, – она присела перед ним на корточки. Глаза матери и сына на мгновение встретились, а потом он равнодушно отвернулся.

В понедельник Наталья пошла к заведующей. Полная ухоженная дама лет пятидесяти с внушительной халой на голове, делавшей ее похожей на молодой гриб-боровик, внимательно выслушала ее, сочувственно кивая.

– Не расстраивайтесь, мальчик сейчас проходит сложный период адаптации, еще неделька-две – и вы его не узнаете.

– Но я его и так не узнаю, он стал совсем другим, мой сын был веселым, заботливым, а теперь...

– Не все сразу. Как мать я вас хорошо понимаю, но вы должны потерпеть. Вы ведь желаете добра своему сыну? – заведующая уставилась на Наталью. – Тут у нас он среди своих, под присмотром, можете быть спокойны за него. С детьми работают профессиональные психологи, вот в пятницу проводили тесты, хотите посмотреть?

Наташа молча кивнула.

– Так, Васильковский Арсений... – бормотала заведующая, роясь в большой стопке бумаг. – А, вот, посмотрите.

Наташа взяла лист, на котором торопливым почерком были написаны абсолютно непонятные слова: дисграфия, дислексия, дискалькулия.

– Что это значит?

– Различные расстройства обучаемости. Скорее всего, нам не удастся научить вашего Сашу ни читать, ни писать, ни считать. Сами понимаете... – она развела полными руками.

– Моего сына зовут Арсений, и раз вы считаете, что не сможете ничему научить его, я не вижу смысла оставлять его здесь.

На этом Сенина школьная жизнь закончилась. Эти две недели в интернате полностью изменили мальчика. Он перестал выходить на улицу и целыми днями сидел на стуле или на кровати, стиснув руками колени. Участковый психиатр объяснял поведение ребенка эмоциональным срывом. Он посоветовал Наталье переехать в другой район. Однако это не помогло – Сеня по-прежнему был безучастен к окружающей жизни, предложение выйти на улицу вызывало панику. Матери казалось, что сын потихоньку угасает.

Однажды Наталья подтащила Сеню к окну.

– Пойди, погуляй, посмотри, как хорошо!

Внизу, в зарослях сирени, громко хохотали девочка и двое мальчишек.

К удивлению матери, Сеня пошел в коридор искать кроссовки. Сердце радостно забилося. «Только бы никто не обидел его, только бы ему понравилось в новом дворе!»

А потом Сеня стал рассказывать про девочку Веру, с которой он дружит и которая «очень-очень хорошая».

– Спасибо тебе, – закончила рассказ Наталья, – спасибо!

Она обняла Веру и поцеловала. Девочке было неловко, она не знала, что сказать.

– Ну, я пойду?

– Иди, иди, конечно. Ты уж извини меня, не стоило, наверное, тебе все это рассказывать, – пробормотала Наталья, пряча глаза, в которых стояли слезы.

Вера долго не могла заснуть – ей было жалко Сеню. Влюбленная в книги, она не представляла, как можно жить, не умея читать. А что если попробовать? Сначала эта мысль показалась ей абсурдной – для нее, дочери медицинских работников, мнение врачей было неоспоримо. Но что-то подсказывало, что стоит попытаться. Ведь врачи в интернате не успели так подружиться с мальчиком, как она. Засыпая, Вера представляла, как Сеня берет книгу и...

Первые шаги были очень трудными. Сеня захлопывал книгу и смотрел на нее глазами, полными неподдельной печали. Хотелось все бросить, казалось, что из этой затеи ничего не получится. Но наступал новый день, и она, запасшись терпением, начинала все сначала. Видя, что Сеня боится книг, Вера стала действовать по-другому: писала буквы прутиком на земле, мелом на асфальте, носком ботинка на первом снегу. Карточки с буквами «неожиданно» появлялись у Сени в кармане, на скамейке, на ступеньках лестницы. Постепенно, шаг за шагом, они одолели буквы, научились складывать их в слова. К следующему лету Арсений уже довольно бегло читал, стараясь подражать Вериной интонации. Получалось немного смешно. Но получалось! Когда Сеня прочитал матери про дуб у Лукоморья, та расплакалась.

Катя не понимала привязанности сестры к Сене.

– Вер, ты чего, влюбилась в него, что ли? – удивлялась она.

Вера пожимала плечами. Это казалось странным, но, кроме Кати и Арсения, она больше почти ни с кем не общалась и не представляла жизни без своего необычного друга. Несмотря на все ее старания, Сеня был абсолютно равнодушен к книгам. Он брался за них, только чтобы не обидеть подругу, и под любым благовидным предлогом бросал чтение и убегал во двор, где всегда находил для себя какое-нибудь дело. Но Вера не огорчалась – гораздо важнее для нее было то, что Сеня перестал бояться людей, из нелюдимо замкнутого мальчика превратился в отзывчивого, улыбающегося подростка, стал настоящей палочкой-выручалочкой всего дома. Он выгуливал собачку Серафимы Михайловны, чинил постоянно отваливающееся колесо у детской коляски соседки с третьего этажа, помогал дворнику подметать улицы, вешал белье, бегал в магазин за мелкими покупками.

Однажды Сеня зашел к Вере и застал целую компанию Катиных подружек, занятых рисованием стенгазеты к первому мая. Он долго стоял и смотрел, как на белой бумаге появляются цветы и шарик. В интернате он пробовал рисовать, но это было совсем не то.

– Я тоже хочу, – покраснев от смущения, сказал мальчик Вере.

– Вот еще! – фыркнула Катя.

– Да ладно тебе! Рисуй, Сеня, – Вера дала ему листок бумаги.

Он был не таким большим, как у девчонок, зато у Арсения была своя коробка с красками и целых три кисточки. Со знанием дела он притащил с кухни баночку с водой, поболтал в ней кисточкой и начал рисовать. Процесс захватил Сеню настолько, что он, казалось, позабыл о времени. Вера читала книгу, стараясь не мешать. Наконец, картина была готова: по угольно-черной земле бродили огромные странные птицы с длинными ногами и причудливо изогнутыми клювами, над ними низко нависали свинцовые тучи. И только где-то далеко, в правом углу листа, небо пронизывали тонкие, почти невесомые лучики невидимого солнца. Вера охватила противоречивые чувства. С одной стороны, от темных облаков и страшных птиц веяло мистическим ужасом, с другой – картина чем-то притягивала, не давала отвести взгляд.

– Как называется твой рисунок?

Сеня пожал плечами, но по глазам было видно – он доволен.

Теперь почти все свободное время мальчик рисовал. Одежда, лицо, руки постоянно были перепачканы краской, глаза светились охотничьим азартом.

Однажды Катя пришла домой с прогулки в слезах: она потеряла сережку – длинную висюльку, преподнесенную на Восьмое марта одним из ее школьных друзей. Катя очень любила эти сережки. При ходьбе они весело покачивались, позвякивали и создавали настроение постоянного праздника. Когда девочка смеялась, они, казалось, звонко хохотали вместе с ней. И вот теперь одна из висюлек была безнадежно утрачена.

Родители успокаивали Катю, обещали купить другие сережки, но девочка была безутешна.

Где-то через неделю, вечером, когда вся семья была в сборе, раздался звонок в дверь. Катя метнулась открывать – в такое время могли прийти только ее друзья.

– Вера, – раздался из прихожей ее недовольный голос, – это к тебе.

Вера вышла. В дверях неуверенно мялся Сеня.

– Привет! – улыбнулась Вера. – Что-то случилось?

– Я к Кате.

– Чего тебе? – нетерпеливо дернула плечами Катерина.

– Вот, – он разжал кулак. На ладони, радостно поблескивая, лежала сережка.

– Ты... Ты... – от радости у девочки перехватило дыхание. Потом она схватила сережку и внезапно, в порыве благодарности, чмокнула Сеню в щеку. Тот покраснел, засопел, рука его потянулась к месту прикосновения Катиных губ. Потом он резко сорвался с места и понесся вниз по лестнице.

Вера захлопнула дверь и зашла в комнату, где Катя весело щебетала, уже надев любимые сережки.

– Слушай, а твой Сеня не такой уж и урод, – заметила Катерина, – он вроде и ростом стал выше и посимпатичнее, что ли.

Вере тоже казалось, что Сеня изменился в лучшую сторону – подросток, и выражение лица у него стало более осмысленным, и глаза меньше косили. Даже его постоянная, словно извиняющаяся улыбка стала не такой жалкой. Вера чувствовала, что в этих изменениях есть и ее заслуга, но не считала успехи Сени чем-то особенным.

После случая с сережкой Арсений сделался у сестер постоянным гостем. По вечерам, сидя на диване, Вера читала вслух книги – все подряд, а он увлеченно рисовал. Мама часто сетовала, что после гостя на скатерти остаются разноцветные пятна, но по ее глазам было видно: ей нравится друг старшей дочери. Иногда третьей в компании оказывалась Катя. Она фыркала и комментировала чтение смешными репликами. Сеня при этом краснел и что-то сопел под нос, но вслух свои мысли высказывать не решался.

* * *

– Вер, ты что? Спишь? Не пора смывать краску?

– Да, да, – Вера встряхнула волосами, словно освобождаясь от воспоминаний, – пойдем.

Потом они долго сидели, обсуждали планы на будущее. Катя хотела бросить институт, так как за учебу надо было платить, но Вера настаивала, чтобы она училась, ведь можно найти такую работу, чтобы оставалось время на учебу. Пусть с маленькой зарплатой, но в конце концов она готова помочь. Когда полуночники, наконец, уснули, короткая летняя ночь близилась к концу. Услышав сквозь сон звонок будильника, Катя с трудом продрала глаза и перевернулась на другой бок, собираясь поспать еще немного, но поняла, что Вера сейчас уедет на работу, оставив ее один на один с матерью. Волей-неволей придется общаться, отвечать на вопросы, чувствовать себя непонятно по какой причине виноватой. Нет уж, лучше она поедет вместе с сестрой.

С кухни доносился запах кофе – Вера, уже полностью одетая, сидела за столом.

– Ты чего так рано? – удивилась она, увидев заспанную Катю.

– Подожди немного, я с тобой.

Вера понимающе кивнула, и Катя понеслась в ванную, быстро умылась, «нарисовала» глаза. В сумке обнаружила бархатную коробочку – подарок Олега.

Зайдя на кухню, Катя поймала быстрый взгляд Веры и поняла: той что-то не нравится.

– Красиво?

– Да, – коротко ответила Вера.

– Вер, ну ладно тебе, ты прямо как мама! Встречают же по одежке...

– Ладно, поехали.

– Верунь! А давай вечером сходим на дискотеку! Что ты все дома и дома? Познакомишься с кем-нибудь, все веселей! Или думаешь, что твой принц на белом коне заявится прямо сюда?

– А вдруг и впрямь приедет, а я на дискотеке? Представляешь, как он расстроится? – улыбнулась Вера.

– Только коней нам тут не хватало! Он же не поместится в прихожей – где ты его будешь держать? А если навалит кучу? Фу-у-у! – не унималась Катя.

– По-хорошему прошу, отвали, – добродушно отмахнулась Вера.

На остановке сестры расстались – Вера отправилась в больницу, а Катя – в центр.

Сойдя с маршрутки, девушка решила немного прогуляться по магазинам. Где-то она читала, что ничто так не успокаивает нервы, как хороший шопинг. Правда, денег нет, но... Тут она вспомнила вчерашние рисунки. Может, в том, что читала тогда Вера, есть какой-то смысл? Ведь Сенька вроде стал художником. Он сразу поверил в то, что мечта исполнится. А она лопухнулась, потеряла столько времени. Ну ничего, все поправимо. Пусть не миллионер, хотя бы какой-нибудь директор фирмы или банка. В этот момент на лицо будущей супруги миллионера упала капля, затем еще одна. «Блин, снова дождь!» – возмутилась Катя. Хороша же она будет, если вымокнет! Представилось, как потенциальный директор, поджав нижнюю губу, точь-в-точь как мать, говорит:

– Что за мокрая курица!

Катя посмотрела по сторонам и увидела небольшое кафе. «То что надо!» – и она потянула дверь на себя.

Хотя дождь только начался, Катя успела промокнуть, ее знобило. Интерьер явно не согревал – по периметру зала стояли огромные аквариумы, в которых лениво обмахивались плав-

никами угрюмого вида рыбины. Посетителей почти не было – только за одним из столиков сидел мужчина. Кате хватило мимолетного взгляда, чтобы понять: натуральный ботаник².

– Капучино, пожалуйста, горячего, огромную чашку, – попросила Катя у официанта.

Она достала из сумки упаковку бумажных носовых платков и попыталась привести в порядок макияж. Но внезапно увидела, как ботаник привстал с места, делая знаки кому-то находившемуся по ту сторону окна, в мире ливня. В это же мгновение дверь распахнулась, и в кафе ворвался молодой, довольно симпатичный мужчина. Не вошел, а именно ворвался, сразу наполнив помещение мощным, практически осязаемым потоком энергии.

– Ну как? – воскликнул ботаник.

«Мог бы не спрашивать, – подумала Катя, – и так понятно, что все путем, вон как сияет». Словно в подтверждение ее мыслей незнакомец вытянул руку ладонью вперед. Ботаник звонко хлопнул по ней и просиял.

– Я знал, я был уверен!

А Александр не мог прийти в себя – возбуждение, которое он испытал при разговоре с директором «Посейдона», требовало выхода, он чувствовал, как все внутри у него вибрировало от неумной эйфории. И тут он увидел Катю. Темные, почти черные мокрые волосы... Что-то знакомое в обхвативших чашку руках.

«Она... Не может быть... – метались в голове мысли. – Слишком глубокий вырез, чересчур яркий макияж, неуместные в такое время бриллианты. И все-таки... Подними глаза!» – почти взмолился он.

Катя почувствовала какое-то беспокойство, медленно подняла взгляд. Красавчик смотрел на нее. В глазах было столько жажды, столько желания...

Она легким, почти незаметным движением поправила прическу, села прямей и улыбнулась. Охота началась.

А он, увидев эти светлые глаза в обрамлении черных волос, почувствовал, что погружается в них, как в трясину, и спасения уже нет.

² Жаргонное прозвище школьника или студента, который слишком много внимания уделяет учебе; в школьно-студенческой среде от данного слова образовалось слово «ботва» – жаргонное название какой-либо учебной работы (Википедия).

Глава 5

После бессонной ночи Вера мечтала только об одном – поспать. Она решила уйти с работы пораньше, чтобы, пока нет мамы, урвать хотя бы пару часиков сна. А потом придется отвечать на вопросы. Вера была уверена, что у мамы их накопилось немало, ведь жизнь младшей дочери для нее – проблема номер один.

Открывая дверь, она услышала незнакомый телефонный звонок. Под кроватью в комнате надрылась навороченная Nokia с большим цветным экраном. «Вызывает Олег» – сообщала надпись, а над ней грустно улыбался светловолосый мужчина. Вера нажала кнопку.

– Да?

– Катя, ну, слава богу! Где ты была?

– Извините, пожалуйста, я не Катя...

– А где она? Почему у вас ее телефон, с ней что-то случилось? – в голосе мужчины звучала решительность и неприкрытая агрессия.

– Все в порядке, не волнуйтесь. Я Катина сестра Вера, она сегодня ночевала у меня и забыла телефон.

– А где Катя сейчас? Дома ее нет.

– Она собиралась искать работу.

– Подождите, какую работу? Зачем ей работа? – агрессия сменилась растерянностью. – Вера! Объясните, пожалуйста... – и он замолчал, переваривая полученную информацию. Вера тоже молчала.

– Вера, прошу вас, мне надо с вами встретиться... Чтобы не по телефону, понимаете? Пожалуйста...

«Поспать не удастся», – поняла она.

– Вера! Только не вешайте трубку! Где вы живете? Я сейчас приеду! Это удобно?

– Давайте лучше на нейтральной территории. Остановка «Проспект Гагарина», как ехать в центр, я буду там, – она бросила взгляд на свои часы, здоровый наручный хронометр в стальном корпусе, казавшийся нелепым на маленькой женской руке, – через полчаса, в семнадцать тридцать. Устроит?

– Конечно.

Вера вышла на кухню. Ожидая, пока закипит чайник, она сидела за столом, машинально накручивая на палец волосы. Ужасно не хотелось никуда идти. Ради себя точно бы не пошла, но ради Кати... Выпив обжигающего кофе, Вера схватила сумочку и побежала на остановку.

Олег приехал за десять минут до назначенного срока, сидел в машине, рассматривал ожидающих автобуса и гадал, кто из них Катина сестра. Интересно, похожи ли они?

Подошла маршрутка, остановка опустела. И тут Олег увидел ее. Худенькая, темные волосы заколоты на макушке, джинсы без выкрутасов, белая футболочка – скромница, не чета сестре.

Олег подъехал, приоткрыл дверь.

– Вы Вера?

– Да, – ответила она, испытывая что-то похожее на дежавю.

– Садитесь, – он кивком указал на переднее сиденье.

Вера улыбнулась и села в машину. Олег ей сразу понравился. Спокойный, уверенный в себе. И машина под стать хозяину – большая, с мягкими сиденьями, пахнущими кожей и цитрусовыми.

– Тут неподалеку неплохое кафе, можно поехать туда, не возражаете?

– Нет, – она покачала головой.

Немного попетляв между домами, джип остановился возле невзрачной двери.

Кафе оказалось маленьким и мрачным. Сидящая в углу парочка с явным неудовольствием посмотрела на пришельцев, посмеявшихся нарушить уединение. «Чужой муж с чужой женой», – решила Вера, заметив, как резко отвернулась женщина и напрягся ее кавалер.

– Не волнуйтесь, здесь замечательная летняя площадка, – шепнул Олег и, взяв Веру за руку, уверенно повлек за собой.

Это была увитая диким виноградом беседка с изящной мебелью из лозы. Вера опустилась в кресло.

– Здорово! – невольно вырвалось у нее.

– Рад, что вам понравилось. Что будете пить, есть?

– Только кофе, спасибо.

Он заказал кофе, пирожные.

– Вино, шампанское, что-нибудь покрепче?

– Нет-нет, спасибо.

– Что ж, – Олег улыбнулся, – придется мне сегодня оставаться трезвенником.

Что-то в его улыбке настораживало Веру – не то чтобы она была неискренней, нет. В ней чувствовалась внутренняя боль, прикрытая маской уверенного в себе мужчины, это была улыбка человека, который уже давно перестал радоваться жизни, но соблюдает определенные правила игры.

Над столиком повисла пауза. Официант принес кофе, большое блюдо с пирожными.

– Я... я даже не знаю... Катя рассказывала обо мне? – на виске Олега пульсировала жилка – быстро-быстро, Вера ощущала его внутреннее напряжение, а еще еле уловимые отголоски чувства, спрятанного так глубоко, что невозможно было понять, что это собственно за чувство.

– Нет, – Вера покачала головой, – расскажите.

– А что рассказывать? Зачем вам это?

Она молча пожала плечами и сделала вид, что увлечена пирожным.

– Ну, если вы настаиваете...

– Я не настаиваю, – она подняла голову и посмотрела на него.

Глаза ее были очень похожи на Катины – очень светлые и очень глубокие. Но в Катином взгляде сквозила прямо-таки детская восторженность, преданность и нежность, а Вера смотрела спокойно, очень внимательно, заинтересованно. Больше всего ему понравилось то, что она не оценивала его.

Вера снова занялась пирожным. Олег сидел, наблюдая, как она ковыряет маленькой ложечкой желтоватую начинку эклера, и ощущал нарастающее раздражение. Какого черта он притащил ее сюда? Зачем? Чем она может ему помочь? Интересно, Катя пожаловалась ей?

А Вере было невыносимо стыдно, ей даже казалось, что щеки начинают потихоньку гореть. Какой же она психолог, если человек обратился к ней за помощью, а она сидит и ест пирожные! На государственном экзамене по психологии у нее даже вопрос такой был: первый контакт с клиентом. Ведь на отлично же сдала, что же там было? «Ну, говори же хоть что-нибудь, давай, не молчи!» – мысленно молила она Олега.

– Меня зовут Олег, Олег Васильевич Васильченко. Я директор фирмы «Добрый дом», – он снова замолчал, подыскивая слова.

– Добрый дом? Какое хорошее название. А почему именно добрый? – она спросила так, что Олег почувствовал: сидящей напротив девушке действительно это интересно.

За почти двенадцать лет существования фирмы ему не раз задавали такой вопрос, и он всегда отвечал по-разному. Иногда отшучивался, иногда переводил разговор на другую тему, а сейчас вдруг почувствовал желание рассказать Вере все. Все о своем «Добром доме».

Родители Олега были строителями. Детство его прошло в шестнадцатиметровой комнате в малосемейке. Маленький Олег мечтал о том, что станет строителем, как мама и папа. Он

любил сооружать сложные конструкции из всего, что попадалось под руку, и на вопрос, что это, отвечал:

– Мой дом!

С пятнадцати лет Олег в свободное от школы время работал на стройке. При взгляде изнутри будущая профессия оказалась не слишком привлекательной. Холод, жару, бесконечный мат вечно пьяных строителей можно было не принимать во внимание, но то, что иногда дома начинали рушиться сразу после ухода строителей, а иногда и до этого, отказывалось укладываться в голове.

Позже, уже учась в архитектурном институте, Олег в книгах наткнулся на размышления о том, что жизнь в новострое напрямую зависит от настроения людей, создававших его, начиная от разработки проекта и заканчивая перерезанием блестящими ножницами красной ленточки. И если человек, проектирующий здание, думает о том, какая же сволочь эта теща, а строителя, настилающего линолеум, волнует лишь один вопрос – кого бы послать за бутылкой, жизнь в построенном такими людьми доме будет полна проблем.

Олег пытался озвучить свои мысли, но наткнулся на абсолютное неприятие подобных идей. Его собеседники отмахивались от него, крутили пальцем у виска, советовали навеститься к психиатру, откровенно смеялись, но Олег не сдавался. Наконец, ему удалось найти единомышленника – молодого инженера по имени Иван, человека до фанатичности религиозного. Сам Олег в церковь не ходил, но воинствующим атеистом тоже не был. Объединившись, они создали фирму и назвали ее «Добрый домом». Промышляя мелкими ремонтами, Олег с Иваном мечтали о том, что когда-нибудь настанет их звездный час. Добросовестные, непьющие и интеллигентные строители, работающие по фиксированным расценкам, поначалу вызывали удивление и недоверие, сменяющееся затем благодарностью. Телефоны «качественных» мастеров передавались из рук в руки. Вскоре к «Доброму дому» образовалась очередь заказчиков, и Олег с Иваном приняли решение расширить штат. Зарплата в фирме почти вдвое превышала среднероссийскую, поэтому от желающих, просеивающихся учредителями через сито с довольно мелкой ячейкой, не было отбоя. К претендентам предъявлялось всего два требования: работать качественно и не пить, однако для некоторых эти задачи были невыполнимы. На словах все гарантировали трезвый образ жизни, но как только дело доходило до практики...

Бизнес – непростая вещь. В нем нельзя быть мягкотелым. Хочешь процветать – умеешь показывать зубы. Именно жесткость давалась доброму и интеллигентному Олегу хуже всего.

Друзья следили за новшествами в строительстве, не жалели деньги на лизинг современного оборудования, находили уникальных специалистов и создавали условия для максимального развития их талантов. Поэтому возводимые фирмой дома были особенными – теплыми, надежными, уютными. Иметь коттедж, построенный «Добрым домом», считалось делом престижа.

– Извините ради бога, я, наверное, вас совсем заговорил.

– Нет, что вы, мне очень интересно, – Вера видела, что Олег оседлал любимого конька и готов говорить о строительстве бесконечно, поэтому, смирившись с тем, что ее ждет вторая бессонная ночь, заняла позицию заинтересованного слушателя, изредка кивая и спрашивая, что обозначают непонятные термины.

– Что такое сайдинг?

– Это фасадный материал, – ответил он, и Вера заметила, как дернулся нерв на его щеке.

Олег вновь начал рассказывать о современных отделочных материалах, преимуществах и недостатках того или иного вида отделки, а у Веры крутились в голове слова «фасадные материалы». Интуиция подсказывала – с этим словосочетанием у собеседника связаны очень грустные воспоминания.

В тот момент, когда Вера уяснила, чем паркет отличается от ламината и где лучше стелить линолеум, Олег вдруг бросил взгляд на часы:

– Извините, но мне надо ехать. Я отвезу вас домой.

– Но мы же... Вы же... – у Веры не было слов. Она не могла понять, что происходит. Вспомнились рассказы Кати о том, что Олег постоянно уезжал, не соглашаясь остаться. Настоящий психолог нашел бы способ остановить Олега, а что же она, психиатр, возомнивший себя крутым спецом?

Олег расплатился и направился к выходу. Вере ничего не оставалось, как последовать за ним.

Выйдя из кафе, он открыл дверцу джипа, кивком предлагая Вере занять место, и тут она не выдержала:

– Послушайте, я не поняла, зачем все это было? Зачем вы вытащили меня из дома, привезли сюда? Я, конечно, очень благодарна за лекцию о строительных материалах и современных технологиях, и все же... – мысли перемешались, она не могла найти подходящих слов.

– Вера, простите меня, конечно, не нужно было этого делать. Просто мне кажется, я и ваша сестра... Извините, почему вы не садитесь?

– Нет, я пойду пешком, тут недалеко.

– Но я не могу оставить вас одну – уже поздно, я несу ответственность за вашу безопасность.

– Снимаю с вас эту ответственность! Идите к черту! Вы трус, убегающий от воспоминаний, страус, прячущий голову в песок!

– Перестаньте кричать, – он пытался побороть раздражение.

– Хорошо, – она развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла в направлении дома.

– Вера! – крикнул Олег. – Постойте.

Она продолжала идти, мысленно желая, чтобы он догнал ее.

– Вера! – Олег схватил ее за руку. – Поехали!

– Куда? – спросила Вера, но Олег, казалось, ничего не слышал. Не отпуская ее руку, он потащил девушку к машине.

Ехали недолго. Вера не успела собраться с мыслями и решить, что делать дальше, как джип затормозил возле ворот. Олег посигналил, ворота открылись, и машина въехала во двор. На мгновение ей стало не по себе. «Какой-то замок Синей Бороды – подумала она и тут же устыдилась подобной мысли. – Это же Олег, человек, которого так сильно любит Катя! Он не может быть плохим, ведь я как психиатр почувствовала бы в нем какие-нибудь перверсии. Хотя какой я психиатр? Так, одно название». Тем временем джип остановился. Олег вышел и открыл дверь. Вере ничего не оставалось, как прекратить рефлексировать по поводу профессиональной несостоятельности и повиноваться.

Дом нависал над ними темной громадой на фоне беззвездного, затянутого тучами неба. Светились только три окна на первом этаже.

– Пойдемте, – позвал Олег.

Дрожа то ли от волнения, то ли от не по-летнему свежего ночного ветерка, Вера переступила порог и оказалась в огромном зале, углы которого тонули в темноте. Люстра непонятной конфигурации освещала участок пола, покрытый белоснежным ковром, и сидящего на нем мальчика лет пяти. Не обращая внимания на вошедших, ребенок что-то выкладывал из разноцветных кусочков мозаики. Вера физически ощутила окружающий его холод. На мальчике был яркий красно-желтый костюм, но это она заметила уже потом – с первого взгляда ребенок показался ей Каем из «Снежной королевы», выкладывающим из острых льдинок слово «вечность».

Олег разулся и подошел к сынишке.

– Привет, Ромка, – тихо поздоровался он.

Вера удивилось тому, сколько нежности прозвучало в голосе мужчины. Это был совсем не тот человек, что полчаса назад уверенно и обстоятельно рассказывал о своей фирме.

Мальчик продолжал сидеть в той же позе, не обращая на Олега внимания.

– Ну как ты, сынок? – спросил Олег. – Чем занимался? Спать хочешь?

Ребенок встал, не отрывая взгляда от мозаики. Рядом с высоким отцом он казался еще меньше и беззащитнее. Олег подхватил его на руки.

– Подождите меня, пожалуйста, – обернулся он к Вере. Та кивнула, не в силах произнести ни слова.

– Кристина, будьте добры, предложите гостею чаю, кофе, – обратился он к кому-то невидимому.

– Хорошо, Олег Васильевич.

Вера обернулась и обнаружила поодаль женщину лет тридцати пяти, названную Олегом Кристиной. Высокая и стройная, даже чересчур, в строгом черном платье, она стояла у окна.

– Пойдемте, – Кристина кивнула Вере и, не оглядываясь, пошла вперед. Вера бросила взгляд на ковер, где недавно сидел ребенок, – ни Олега, ни мальчика уже не было – и последовала за женщиной. Пройдя по длинному коридору, залитому мягким светом, они оказались в кухне. Большая, с современной мебелью и посудой, расставленной в идеальном порядке, она скорее напоминала стерильную операционную. Вера не могла представить, как за этим абсолютно белым, без малейшего пятнышка столом может обедать семья.

Кристина включила чайник, достала из холодильника тарелку с нарезанным сыром и ветчиной. Все это молча, повернувшись к Вере спиной. Вера не стала дожидаться приглашения и села за стол.

– Меня зовут Вера, – сказала она, стараясь, чтобы слова звучали как можно дружелюбней. Кристина даже не обернулась.

Чайник зашумел и с громким щелчком выключился.

Подождав немного, Вера решила снова попробовать пообщаться с неразговорчивой хозяйкой.

– Красиво тут у вас.

Кристина поставила перед ней чашку с чаем, сахарницу, тарелку с бутербродами и села за стол напротив гостыи.

– Спасибо, – Вера попробовала дымящийся напиток и одобряюще кивнула. – Замечательный чай!

Молчание женщины действовало на нее гнетуще. Та сидела совсем рядом, но, казалось, их разделяла бесконечность, холодная и мрачная, длиной в миллионы световых лет.

Вблизи Кристина выглядела моложе, чем показалось на первый взгляд, – лицо ее, обрамленное коротким каре блестящих каштановых волос, было довольно симпатичным, если бы не поджатые и без того узкие губы и жесткое выражение глаз. Заметив, что Вера рассматривает ее, женщина резко встала и отошла к окну.

– Этот мальчик... Он сын Олега Васильевича? – предприняла очередную попытку Вера.

– Послушайте! – взгляд Кристины был полон презрения, тонкие губы сжались еще больше. – Меня не уполномочили вести с вами светские беседы. Понятно?

Вере показалось, что ее поймали за подглядыванием в замочную скважину. «Ну и ладно», – постаралась она утешить себя и, выбрав на тарелке самый симпатичный бутерброд, откусила кусочек. Это незамысловатое действие вызвало у Кристины очередной приступ ярости. Не в состоянии больше сдерживать эмоции, она фыркнула и выскочила из кухни.

Вера не чувствовала за собой никакой вины, тем не менее на душе стало мутно. «Вот уж правда, добрый дом», – подумала она.

Когда на тарелке остался последний бутерброд, пришел Олег. Он был все так же спокоен и уверен к себе, словно не случилось событий, свидетелем которых Вера нечаянно стала.

– А где Кристина? – спросил он, усаживаясь за стол.

Вера пожала плечами и подумала, что Олег, наверное, голоден. В кафе он не притронулся к пирожным, выпил только чашку кофе.

– Вас покормить?

– Вы предлагаете мне поесть в моем собственном доме? – усмехнулся он.

– А что в этом такого? Ваша кормилица убежала – не оставаться же вам голодным.

– Кристина – няня сына. Есть еще кухарка, но она приходит утром, готовит еду и после обеда уезжает домой.

«Ага, а няня кормит ужином сына и папу», – подумала Вера.

– Я редко ужинаю дома, – словно прочитал ее мысли Олег, – но в холодильнике наверняка что-нибудь найдется.

Вера открыла холодильник. От изобилия продуктов на полках глаза просто разбежались. «Кто же все это ест? – подумала она. – Няня, кухарка и маленький мальчик?»

В небольшой кастрюльке обнаружились котлеты, вкусно пахнущие чесноком. Пока они разогревались в микроволновке, Вера порезала помидоры и огурцы, посолила, добавила перца, посыпала мелко измельченным укропом, украсила листиками базилика и полила оливковым маслом. Все эти хлопоты были для нее на удивление приятными – первый раз в жизни она готовила пусть немудреный, но все-таки ужин для пусть совсем незнакомого, но все-таки мужчины.

Ее внимание привлек строгий геометрический узор на белоснежной скатерти. Несмотря на яркое освещение, углы на рисунке казались более темными, создавая иллюзию объемности фигур. Вера провела пальцем по столу – скатерть была абсолютно гладкой. Это несовпадение двух реальностей – видимой и фактической – напомнило ей об Арсении.

* * *

В тот год стояла особенно холодная и снежная зима. Вечер был из тех, когда хороший хозяин собаку из дома не выгонит, поэтому звонок в дверь прозвучал неожиданно.

– Твой Сенька, точно, больше некому, – сказала Катя, и Вера побежала открывать.

Это и правда был Арсений. Он прижимал к груди большую папку, в которой последнее время носил рисунки. Папку купила Наталья в «настоящем» магазине для художников, и Сеня очень ею гордился. Подойдя к столу, он торжественно вытащил листы с работами и с довольной улыбкой разложил на белой скатерти.

Глазам сестер предстало что-то новое, абсолютно не похожее на привычные Сенины картинки. Четкие геометрические формы, линии, фигуры людей: бородатый мужик с серпом, бегущий мужчина с крестом в руке, напоминающем эстафетную палочку, еще один бородач – на этот раз с косой и ведерком. Все фигуры изображались в абсолютно новой для Сени манере – они были четкими, краски не смешивались, а люди, несмотря на предельную упрощенность, казались живыми, не плоскими, застывшими, а объемными, полными движения и энергии. Невозможно было поверить, что все это вышло из-под неуверенной детской руки.

– Сенька, что это ты начертил? – спросила Катя.

– Тебе не нравится? – улыбка на лице мальчика сменилась недоумением.

– Ну... – Катя задумалась, подыскивая слова, – бывает и лучше.

– Вера, а тебе? – Арсений смотрел на Веру, ожидая оценки.

Вера молчала. С одной стороны, резкая перемена в манере Сени сбивала с толку, с другой – сами картины притягивали внимание, а с третьей – глядя в простодушное лицо мальчика, абсолютно не умевшего скрывать чувства, она понимала: что-то тут не так.

– Вер, ну как? Посмотри, – Сеня вытащил один из рисунков: разноцветные прямоугольники на белом фоне.

– Что это? Наш двор с высоты птичьего полета? А тут чего так некачественно закрасил? Синей краски не хватило? – спросила Катя.

Сеня обиженно засопел и вытащил из папки книгу в глянцевой обложке, на которой было то же самое изображение, что и на листе, лежащем на столе.

«Казимир Малевич» – значилось в заглавии.

– Вот, – сказал Сеня и, раскрыв книгу, прочитал: «Художник играл видную роль в наиболее важных творческих тенденциях двадцатого столетия, и то, какое значение он придавал «живописному элементу как таковому», по-прежнему вдохновляет современных художников всего мира».

– А ты: «Начертил... некачественно закрашено!» – передразнил он Катю.

– Ты... Ты скопировал картины из книги? – догадалась Вера.

– Ну да. Разве не похоже?

Она положила оба рисунка рядом. «Супрематическая живопись», год: 1916, размер картины: 70х80 см, материал: холст, масло. Музей: Стеделик музеум (Городской музей), Амстердам.

– Похоже, Сеня, даже очень похоже! Даже вот здесь, – Вера показала на синий квадрат в центре картины. В книге он тоже был окрашен неравномерно. – Только, понимаешь, скопировать знаменитого художника – еще не значит самому стать знаменитым. Он стал знаменитым, потому что смог по-своему увидеть этот мир. Но ведь ты – не он, ты совсем другой, живешь в другое время. Ты бы захотел слушать две одинаковые песни? Читать две одинаковые книги? Так и здесь: нам с Катей интересно смотреть, как ты видишь этот мир, а не как ты видишь мир Казимира Малевича своими глазами.

– Правда, интересно? – от счастья узкие глаза превратились в щелки с торчащими щеточками ресниц.

Вера кивнула.

– А почему ты выбрал именно этого художника?

– Мне понравилось, – после долгих раздумий ответил Сеня.

– А ну, дай сюда, – Катя подтянула к себе альбом и стала перелистывать глянцевые страницы. – Наверное, потому что легко! А вот, смотри – чего ты это не срисовал? Такое и я могу! На листе был абсолютно черный квадрат.

Сеня опустил голову.

– Я его боюсь, – сказал он еле слышно, захлопнул книгу и стал сгребать рисунки в папку.

– Сеня, а ты можешь оставить мне книгу и этот рисунок? – спросила Вера.

– Тебе тоже нравится? – мальчик заулыбался.

– Мне хочется самой посмотреть, а книгу я тебе завтра занесу, хорошо?

Сеня ушел, Катя легла спать, а Вера все сидела и смотрела на картину со странным названием «Супрематическая живопись». Она не могла понять причины, по которой композиция так притягивала ее внимание. В расположении прямоугольников чудилась мистическая закономерность. Казалось, сдвинь хоть один с места, и все в мире изменится. А синий квадрат, покрытый неровными мазками, вдруг напомнил ночное небо. Темнее всего перед рассветом – пришла откуда-то фраза. Где она могла видеть такое? Когда единственный раз ходила с отцом и Катей на рыбалку? Вера не любила рыбалку, отец же с сестрой были в восторге: возбужденно перешептывались, делились рыбацкими байками. А потом из-за туч вышла луна – огромная, рябая, на воде задрожали блики. «Это Каин убивает Авеля, – сказала тогда Катя, показывая на желтый диск с пятнами, – мне папа рассказывал».

Поглощенная картиной, Вера не услышала, как хлопнула входная дверь – пришел с работы отец. В последнее время он возвращался все позднее и позднее.

– Верочка, ты чего не спишь? Зачиталась?

– Нет, папа, тут Сеня принес альбом. Знаешь, эта картина – мне кажется, я смотрю на нее и вижу совсем не то, что нарисовано.

– Почему?

– Не знаю, посмотри, а я тебе поесть разогрею, хочешь?

– Не откажусь, – сказал отец и, сев за стол, пододвинул к себе книгу.

Когда Вера вернулась, он сидел в той же позе.

– Папа, – окликнула его Вера, – иди кушать.

– И что ты здесь увидела?

– Что темнее всего перед рассветом. А ты?

Отец молча встал и пошел в ванную. Вера ждала, пока он помоеет руки, вытрет их полотенцем – тщательно, каждый палец отдельно.

– А Сеня? – наконец спросил он.

– Его поразила эта картина, но он не смог объяснить почему, вот я и пытаюсь понять.

– Тебе трудно будет понять его мысли, – покачал головой отец. – У Арсения задатки настоящего художника – он мыслит визуально.

– Но он же не учился этому, ему никто не объяснял. Почему мы с Катей не можем так видеть, а он может?

– Катя просто не хочет утруждать себя. Если она чего-то не понимает, то категорически отвергает. Ты же сначала включаешь разум, а потом доверяешь своей интуиции. И тогда у тебя все получается. А Сеня... Может, в прошлой жизни он уже был художником и сейчас лишь вспоминает то, что когда-то умел.

– Скажешь тоже!

– А что? Идея переселения душ стара как мир. Еще Цицерон писал о том, что дети схватывают любую информацию очень быстро, как будто слышат не в первый раз, а вспоминают из своего прошлого. И эта лишняя двадцать первая хромосома – кто знает, не является ли она маяком для душ, наделенных особыми качествами, чтобы не пролетели мимо, вселились именно в предназначенное для них тело?

– Ты серьезно?

– Иди спать, поздно уже, а книгу оставь мне – я посмотрю. Значит, говоришь, темнее всего перед рассветом?

Через несколько месяцев отца не стало. Наверное, он не поверил словам дочери, не дождался своего рассвета.

* * *

Вера поймала себя на том, что стоит у стола и машинально водит пальцем по скатерти.

– О чем вы задумались? – спросил Олег.

– О Малевиче, – честно ответила она.

– Ну да, конечно, – понимающе кивнул он и улыбнулся. – Спасибо за ужин.

Вера смутилась.

– Только я один есть не буду, садитесь. – Это звучало не как приглашение, а, скорее, как приказ. Ничего не оставалось, как подчиниться. Она положила на тарелку котлету, немного салата и села за стол напротив Олега.

Он ел молча и сосредоточенно, словно выполнял важную работу. Вера чувствовала, что Олег хочет что-то сказать, но никак не соберется с мыслями.

– Послушайте, – наконец предложил он, – а давайте выпьем?

– Давайте.

– Коньяк, виски, водка?

– Коньяк, – обреченно тряхнула головой Вера, никогда не пившая ничего крепче сухого вина.

Олег встал, достал из недр белоснежного шкафа два пузатых бокала и бутылку, плеснул золотистой жидкости. Подняв бокал, кивнул Вере и молча выпил. Увидев недоуменный взгляд гостьи, снова налил себе коньяка.

– Извините, привык дома пить один. Ну, за знакомство, – он коснулся краем своего бокала Вериного.

– За знакомство, – повторила она и сделала маленький глоток.

Впечатление было такое, будто она глотнула раскаленного металла. Из глаз потекли слезы, обожженное горло запершило.

– Что случилось? – Олег испуганно поглядел на нее.

Вера помотала головой, мол, все нормально, говорить она не могла. Олег налил воды, она сделала несколько судорожных глотков, прислушиваясь к бушевавшему внутри огню. Горло еще саднило, но общее состояние уже не было таким неприятным, даже наоборот. По всему телу разлилось тепло, прогнавшее неуютную зябкость, которая не оставляла ее с тех пор, как они вышли из машины.

– Пьяница, – то ли пожурил, то ли пожалел Олег и убрал бутылку в шкаф. – Тебе больше не наливаем.

Вера заметила, что он сказал ей «ты», но была не в состоянии оценить, нравится ей это или нет.

– Пойдем отсюда, – Олег потянул ее за руку. Вера дернулась было убрать со стола, но ее сотрапезник махнул рукой.

Они снова оказались в зале. Олег щелкнул выключателем, комната наполнилась светом. Вера огляделась по сторонам. Белый пушистый ковер, мягкие диваны и кресла, низкие столики, гигантская люстра, напоминающая композиции скульпторов-авангардистов, – все это по отдельности, несомненно, было дорогим и красивым, но вместе создавало впечатление пустынного заснеженного пейзажа, и только яркая мозаика, рассыпанная по полу, говорила о том, что здесь кто-то живет.

Олег смотрел на гостью и думал: зачем он привез ее сюда и что теперь с ней делать? Многое он отдал бы, чтобы на ее месте была Катя. При воспоминании о преданных глазах Кати он снова почувствовал осязаемый укол совести.

Веру начинало тяготить затянувшееся молчание.

– Этот мальчик, Роман, – ваш сын? – наконец решилась она.

– Да, – ответил Олег и замолчал.

– А дом? Чей это дом?

– Мой. А что?

– Ничего, я как-то по-другому представляла ваш дом.

– И как, интересно? – в его голосе зазвучал сарказм.

– Ну... Добрый...

– А тебе что, не нравится?

– Холодно как-то, – неуверенно ответила Вера.

– Холодно? – он пожал плечами. – Хочешь, я растоплю камин?

– Нет, нет, – она энергично замотала головой, – не в смысле температуры, а в смысле внутреннего климата. Как в песне, знаете, погода в доме?

– Ты права, это не тот дом, о котором я мечтал. Почему-то все получилось совсем не так.

– А как?

А как? Олег и сам не знал, где он допустил ошибку, разрушившую его жизнь, почему мечта о Добром доме превратилась в этот холодный безрадостный склеп.

Сначала ушел Ванька. Фирма только встала на ноги, появились первые, еще не очень большие деньги, когда Иван решил уйти в монастырь, расположенный в Крымских горах. Уничтоженная при Советской власти обитель начинала заново отстраиваться, нужны были умелые руки. С уходом друга Олег почувствовал непривычную пустоту. Вроде все было по-прежнему – фирма работала, возводились дома, хорошо отлаженный механизм действовал, и Олег не мог понять, в чем же дело, почему он не ощущает себя счастливым. А потом понял: мечта детства о Добром доме так и осталась неосуществленной. Он строил дома для других, а сам жил в однокомнатной квартирке в старенькой хрущевке возле реки.

Проект дома родился сразу, без долгих размышлений и поисков. Простой и удобный, без архитектурных излишеств, аляповатых башенок и балкончиков, с большим залом, камином, уютной спальней, бассейном.

В это время фирма Олега строила несколько объектов, в том числе дом для местного промышленника Дмитрия Донского.

Ничто не предвещало беды, фирма приносила доходы, и вдруг грянул дефолт. Цены на стройматериалы резко взлетели, и перед Олегом встала дилемма: потерять «лицо» и увеличить сметную стоимость или оставить стоимость строительства для заказчиков прежней. Он пошел по второму пути. Мечта о Добром доме на некоторое время отодвинулась, напоминая о себе картинкой в рамочке на стене, папка с проектом была задвинута подальше в стол, однако деловая репутация фирмы многократно возросла. Донской знал, что реальная стоимость его дома почти в два раза выше той, что он заплатил, и в благодарность передал все строительные работы, которые осуществлялись на принадлежащих ему объектах, «Доброму дому». В результате доходы фирмы начали расти. Прошел год, и папка с проектом собственного жилья была извлечена на свет.

* * *

Однажды с почтой Олег получил приглашение на презентацию фирмы, специализирующейся на ландшафтном дизайне. Он не очень любил шумные сборища, где обычно присутствовало больше любителей бесплатной выпивки, чем действительно заинтересованных специалистов, и уже хотел отдать приглашение секретарше Алевтине, но в последний момент передумал. Тема ландшафтного дизайна была довольно актуальной – в последнее время появились заказчики, желающие получить дом «под ключ» с уже озелененной территорией. Пока таких заказов было немного, создавать подразделение при «Добром доме» не имело экономического смысла. Легче найти фирму-партнера для долгосрочного сотрудничества. С такими мыслями Олег поехал на презентацию фирмы «Ботаника», возглавляемую директором А. С. Прокопчуком.

Презентация проводилась на территории питомника «Ботаники». Вероятно, дальновидный Прокопчук А. С. тоже считал директора фирмы «Добрый дом» Васильченко О. В. одним из потенциальных клиентов, потому что как только Олег вышел из машины у ворот питомника, к нему сразу подошла девушка в комбинезоне с эмблемой «Ботаники» – зеленого ростка с тремя листиками.

– Здравствуйте, меня зовут Алиса, – представилась она, – до начала презентации есть еще несколько минут, я хочу познакомить вас с экспозицией.

Олег кивнул и пошел за девушкой по дорожке, выложенной брусчаткой. Алиса рассказывала что-то о проектировании, системах полива, дренажа. Олег слушал вполуха. С одной стороны, стройная женская фигурка, тоненькие каблучки и ярко-рыжие волнистые волосы не

ассоциировались у него с темой разговора – ну как такими нежными ручками можно ковыряться в земле? Наверное, секретарша. Вызубрила текст и болтает теперь как заводная. Хотя, надо отдать должное, голос Алисы не раздражал. С другой стороны, Олег редко бывал на природе. Гуляя по дорожкам питомника, он ощутил необычный прилив энергии. Аромат цветов, смешанный с запахами свежескопанной земли и хвои, создавал приподнятое праздничное настроение, ожидание чего-то сказочного. Олега заинтересовали кусты с кожистыми темно-зелеными листьями, усыпанные россыпью белых, пряно пахнущих звездочек-цветов.

– Как называется это растение? – спросил он.

– Рододендрон, – Алиса остановилась, посмотрела вопросительно, – я же про него как раз рассказываю.

– Да, точно, рододендрон.

– Вы все прослушали, – с мягким укором заметила ботаничка.

– Нет, что вы, – Олегу стало немного неловко, – я все слышал. Дренаж...

– Да-да, – обрадованно закивала девушка и вдруг полезла в кусты. – Вот, видите? – она вылезла и показала Олегу испачканную в земле ладонь, на которой лежали сухие хвоинки.

Он посмотрел на грязную ладошку и вдруг поймал себя на том, что ему хочется взять эту руку за тонкое запястье и приложить к своей щеке, несмотря на лежащий на ней мусор.

Алиса словно прочитала его мысли. Отряхнула хвою, вытерла ладонь о штаны и посмотрела на Олега. Глаза ее были замечательными, серо-зелеными с мелкими коричневыми крапинками. Ни у кого из знакомых Олега не было таких глаз. Он почувствовал, что ему не хватает воздуха. Открыл рот и хотел что-то сказать, как вдруг заиграла музыка. Его спутница охнула.

– Ой, извините, совсем заговорила. Я вас покину, идите по этой дорожке и никуда не сворачивайте.

Она убежала, а Олег медленно пошел мимо благоухающих рододендронов. Он твердо знал: эта девушка будет работать в его фирме, даже если из-за этого придется вызвать на дуэль А. С. Прокопчука.

На ярко-зеленом газоне, окруженном растениями с огромными листьями, напоминающими лопухи, толпились приглашенные. Играла музыка, девушки в зеленых комбинезонах сновали с подносами, предлагая гостям освежиться. Олег поискал взглядом Алису и с сожалением констатировал, что зеленоглазая нимфа куда-то пропала.

Музыка смолкла, ведущий в зеленом смокинге призвал всех к вниманию.

– Поприветствуем директора «Ботаники».

На импровизированную сцену вышла женщина в строгом темно-зеленом костюме.

Олег почувствовал, как у него отвисла челюсть: таинственный А. С. Прокопчук оказался женщиной, мало того, женщиной знакомой. Это была Алиса.

Олег замолчал, мысленно прокручивая в голове историю знакомства с будущей женой. Вера видела, что воспоминания даются ему очень тяжело. Олег подошел к окну и стоял, всматриваясь в темноту. Долго-долго. А потом заговорил, словно рассказывая кому-то там, в темноте ночи.

На следующий день они встретились и уже не расставались. Алиса была удивительной женщиной. Они вместе строили дом, мечтали, как хорошо будет в нем жить.

Двор превратился в выставку достижений «Ботаники»: миниатюрные альпийские горки, ручьи, каскады. Стены, окружающей участок, не было, вместо нее рос вечнозеленый кустарник – те самые рододендроны с кожистыми темно-зелеными листьями, усыпанные множеством белых, пряно пахнущих звездочек-цветов.

– А здесь, – Олег обвел рукой унылые стены, – здесь был зимний сад. Он как-то обзывался по-научному, но мы с Алисой окрестили его Висячими садами Семирамиды, нашим чудом света.

А через два года в доме появилось еще одно чудо. Роман. Ромашка. Маленькое солнышко. Рыжий хохотунчик. Как только малыш научился ползать, в доме не осталось ни одного уголка, в который бы он не сунул нос.

Ромке исполнилось три года. Это был серьезный, смысленный мальчик, донимавший мать сотнями вопросов.

Олег возвращался с конференции по современным фасадным материалам. Несмотря на довольно большой багаж – ящик с образцами, он решил лететь самолетом – хотелось как можно скорей увидеть Алису и Ромку. Уже садясь в самолет, он позвонил жене.

– Привет, через три часа буду дома.

– Три часа – это так долго, – ее голос был сонным и очень домашним. – Мы приедем тебя встречать, тогда придется ждать на час меньше.

– Хорошо, я тебя целую, – сказал Олег. Слова эхом отозвались от непроснувшихся стен аэропорта. Шедшая рядом женщина улыбнулась. Олегу захотелось стать птицей и полететь домой, обгоняя ветер, но он был серьезным человеком, поэтому, спрятав улыбку, прошел в самолет и сел на свое место.

Он уже получил багаж, а Алисы все не было. Мобильный не отвечал. Тяжелое предчувствие охватило его.

– Там авария на дороге, пробка, – сообщил словоохотливый таксист, подхватывая коробку с образцами.

Это был огромный «КамАЗ». Водитель тоже хотел побыстрее попасть домой, поэтому гнал всю ночь. Утром усталость взяла свое. Ему казалось, что он закрыл глаза всего на секунду, но этого хватило, чтобы огромная машина выехала на встречную полосу и столкнулась с летящим на большой скорости «Фордом» Алисы. В последний момент водитель все же сумел вывернуть руль. Ромка, сидящий сзади, не получил ни одной царапины, а Алиса... Олег помнил только беззащитное тонкое запястье среди искореженной груды металла.

Олег с трудом открыл глаза и понял, что сидит в кресле у себя дома, перед ним на столике – пустые бутылки. Первой мыслью было: «Где Ромка?»

Голова болела страшно, ноги подкашивались, к горлу упругими волнами подкатывалась тошнота, но что самое ужасное, Олег никак не мог вспомнить, где сын, что случилось там, на дороге, после того как он обнаружил разбитую машину Алисы.

Может, ничего не было – ни этой дороги, ни «КамАЗа», ни руки в мертвом автомобиле? Надо вспомнить... Он побрел в ванную, открутил кран и сунул голову под струю холодной воды. Вода затекла под рубашку, на пол. Олег припал к крану и пил, пока его не скрутил приступ рвоты.

Воспоминания о вчерашнем дне теснились в голове острыми торосами.

Всплыла поездка из аэропорта на такси. Может, это водила привез его сюда. «Что делать? – мучительно думал Олег. – Позвонить в ГАИ и спросить, куда отвезли ребенка? А если он сам его отвез? Кто может знать куда? Только водитель. Звонить в автопарки? В полицию? Был бы Ванька, он бы помог». Олег с горечью понял, что у него нет таких друзей, которым можно позвонить в трудную минуту и попросить о помощи.

Внезапно Олег почувствовал запах кофе. На кухне он нос к носу столкнулся с незнакомым мужчиной. Вернее, незнакомым тот показался лишь в первый момент. Стоило «гостю» поинтересоваться, не желает ли здесь кто-нибудь кофейку, Олег тут же узнал вчерашнего разговорчивого таксиста.

Невысокого роста, очень подвижного, лет сорока.

– Ты извини, что я тут у тебя хозяйничаю, – виновато развел руками гость, – больно есть захотелось.

– Ничего, – Олег тряхнул головой и сел за стол. – Где Ромка?

– Сын твой? В больнице. Поешь, и я отвезу, тебе за руль-то не стоит в таком состоянии.

– Что за больница? Что с ним?

– Да вроде ничего, испугался, видать, сильно. Врач сказал, надо какие-то анализы сдать.

А я тебя сюда привез. Приехали – дом пустой, темный. Нельзя человеку одному – я сам недавно мать схоронил, знаю. Меня Виталием звать, не помнишь? Ты поешь, – он пододвинул к Олегу тарелку с какой-то снедью.

От запаха еды мутило, Олег встал.

– Ты ешь, я пойду, позвоню на работу.

Олег направился в гостиную. Здесь по-прежнему обитал дух Алисы: вились по стенкам лианы, раскрывали бутоны цветы. Все произошедшее казалось большой нелепой ошибкой. Сейчас дверь откроется, и она войдет, посмотрит на него необыкновенными глазами... Но время летело, дверь оставалась закрытой.

Олег набрал своего зама. Тот привык понимать директора с полуслова и, не задавая лишних вопросов, пообещал все организовать.

Нужно было еще позвонить матери Алисы. Последний раз Олег видел тещу на дне рождения сына, когда Ромке исполнился год. Зятя та недолюбливала, считая, что дочке с мужем не повезло, поэтому приезжала в гости крайне редко. Олег знал, что жена с матерью общается, но никогда не интересовался их отношениями.

Найдя в книжке телефон, Олег сообщил женщине о случившейся трагедии и пообещал перезвонить, когда будет известно о похоронах. Мать заплакала, начала что-то спрашивать, но он сослался на необходимость срочно ехать в больницу к сыну и повесил трубку. Трудно было говорить о том, во что сам он до конца не верил. Еще один звонок Олег сделал Кристине. Вкратце обрисовав ситуацию, попросил приехать и побыть дома, пока он будет отсутствовать.

А потом они поехали в больницу. По дороге Виталий рассказал, что на вид мальчик был цел и здоров, только «немножко не в себе», поэтому врач «Скорой помощи» посоветовал отвезти его в травмпункт детского комплекса. Однако врачу-травматологу что-то не понравилось, он назначил какие-то анализы и предложил оставить ребенка в больнице до получения результатов. Олег так и не вспомнил, почему он согласился. Вероятно, аргументы доктора показались убедительными.

Расплатившись с Виталием у дверей центрального корпуса больницы, Олег взбежал по ступенькам и в растерянности остановился – куда дальше? Проходившая мимо женщина посоветовала обратиться в стол справок.

– Васильченко Роман? Травма, второй этаж, пятая палата, – безразличным голосом сказала грузная женщина.

Олег еще немного поплутал по коридорам и оказался в нужном отделении.

– Вы к кому? – спросила молоденькая сестричка, совсем девочка.

– У меня тут сын, Васильченко Роман, в пятой палате.

Девушка вскочила и затараторила:

– Сергей Станиславович просил, как только вы придете, направить вас к нему.

– Да, хорошо, я только зайду к ребенку, – он посмотрел на номера на дверях, определяясь, куда идти.

– Сергей Станиславович просил... – попыталась остановить его медсестра, но Олег уже входил в палату.

Светлая комната, четыре кровати. Две аккуратно заправлены, на третьей сидит пухлосщкий мальчуган с перевязанной головой, а на четвертой...

Ромка лежал на спине, глаза не мигая смотрели в потолок. На мгновение Олегу показалось, что сын умер. Бросившись к кровати, он наклонился, потрогал руки. Живой...

– Ромка, Ромочка, это я, папа, посмотри на меня, – позвал он сына.

Выражение зеленых глаз не изменилось.

– Сынок...

Дверь в палату распахнулась, вошел высокий полный мужчина в сопровождении медсестры.

– Вот, Сергей Станиславович, отец Васильченко, я предупреждала... – зачастила медсестра.

– Спасибо, Леночка, – остановил ее врач и обратился к Олегу: – Давайте пройдем в ординаторскую.

– Но... – замялся тот.

– Давайте пройдем, – повторил Сергей Станиславович и направился к дверям, нисколько не сомневаясь, что отец ребенка последует за ним.

В комнате никого не было. Врач сел за стол у окна, жестом предложив Олегу стоявший рядом стул. Покопавшись в стопке бумаг, он вытащил тонкую папку, раскрыл, полистал приклеенные листки.

– Все анализы в пределах нормы, никаких скрытых переломов, разрывов тканей, внутренних кровотечений не обнаружено. Ребенок находится в состоянии шока. Очевидно, это защитная реакция организма на перенесенный стресс. Мальчика осмотрел психиатр, порекомендовал пока оставить в таком состоянии. Однако желательно, чтобы Роман некоторое время побыл в стационаре. Обстановка дома может послужить дополнительным травмирующим фактором, который усугубит и без того тяжелое состояние нервной системы ребенка.

Олег пытался понять, что говорит доктор, но у него ничего не получалось.

– Подождите. Вы говорите, что ребенок здоров и одновременно предлагаете оставить его в больнице. Что-то в его состоянии вызывает опасения?

– Нет, но здесь он будет под присмотром врачей. Понимаете, сейчас ему лучше побыть здесь, – медленно, сопровождая каждое слово наклоном головы, проговорил Сергей Станиславович. – Вы, конечно, можете забрать мальчика, но сможете ли вы обеспечить необходимые условия?

– У него есть няня, к которой он привык. Я думаю, ему будет комфортнее с ней, чем с незнакомыми детьми.

– Олег Васильевич, предлагаю компромисс: до семнадцати часов ребенок остается у нас, а на ночь вы забираете его домой. Согласны?

– Хорошо. – Олег встал. – В семнадцать я буду у вас.

Пожав протянутую врачом руку, он вышел из кабинета.

Поймав такси, Олег вернулся домой. За время его отсутствия здесь все переменялось. В гостиной его встретила стройная женщина с черной лентой на седых волосах – мать Алисы. Глаза ее были злыми и сухими.

– Где мой внук? – не поздоровавшись, спросила она.

– Он в больнице, – раздраженно ответил Олег.

Мать Алисы была школьной учительницей и даже сейчас разговаривала с ним, как с провинившимся школьником. Всем своим видом она словно выражала недовольство тем, что Олег остался в живых.

– Что с ним?

– Все в порядке, просто нервное потрясение, врачи оставили в больнице до вечера.

– Что за чушь – нервное потрясение! Это же ребенок! Какие у него могут быть нервы?!

Олег повернулся спиной к продолжавшей что-то выкрикивать женщине и медленно пошел дальше. Часть его души протестовала против такого поведения. Согласно придуманной кем-то роли зятя в комедии жизни он должен был сейчас терпеливо выслушивать слова матери

Алисы, сочувственно кивать головой. Но он не мог. Она сильная женщина, в упреках – ее облегчение. А на кого мог накричать он? И помогло бы ему это?

По дому ходили незнакомые женщины в темных одеждах и черных платках. Мужчина, стоя на стремянке, закрывал черной тканью большое зеркало на лестнице.

В кабинете Олег обнаружил Кристину с женщиной в строгом черном костюме.

– Олег Васильевич! – сообщила она. – Это представитель фирмы, организующей похороны, вы...

Он закрыл дверь, не дослушав, пошел по коридору. Кристина выбежала из кабинета.

– Олег Васильевич!

Он вяло отмахнулся.

– Кристина, пожалуйста, я полностью полагаюсь на тебя.

– Вы в порядке?

Он не ответил, чувствуя новую волну раздражения. «Вот дура, – думал он, – в порядке ли я? Насмотрелся американских фильмов. «Вы в порядке?» – «У вас все о'кей?» Как я могу быть в порядке?»

Олег бродил по опустевшим комнатам, среди чужих людей и чувствовал себя потерявшимся в этом доме, в этом городе, во всей огромной вселенной. Потерявшимся и бесконечно одиноким. Тоска стягивала грудь петлей с замысловатым узлом. На кухне стояла початая бутылка водки. Он налил полную кружку и уже поднес к губам, но вдруг вспомнил Ромку, лежащего на огромной больничной кровати, маленького и такого же потерянного, как он сам.

Он швырнул кружку в раковину, тонкий фарфор разлетелся на мелкие кусочки. Олег хотел собрать осколки, порезал руку. Открыл кран, сунул руку под воду и смотрел, как кровь смешивается с водой и розовым ручьем исчезает в сливном отверстии. Долго-долго. Невыносимо долго.

А потом спустился по лестнице с зеркалом, затянутым черной тканью, сел за руль и ехал, не разбирая дороги, пока не увидел искореженный зеленый «Форд» с выбитыми глазами.

Олег сидел и смотрел на проезжающие машины. Мозг терзал вопрос: «Почему?»

– Олежек, где Ромка? – услышал он вдруг тихий голос, от которого в груди будто похолодело. Это был голос Алисы.

Он выскочил из машины, погружившись в шум оживленного дорожного движения.

– Езжай к нему, – снова прозвучал в ушах голос, – ему плохо без тебя! Только осторожно, береги себя!

Подняв голову, Олег посмотрел на облака.

– Я еду, – пообещал он им, – я постараюсь.

Больничный коридор тонул в темноте, ординаторская пустовала, дежурная медсестра куда-то вышла. В Ромкиной палате горел свет, мальчик все так же лежал с открытыми глазами.

– Ромка, сынок! Как ты? – Олег прижал к губам тонкие пальцы мальчика. Они были мягкими и теплыми. Это тепло немного успокоило отца. Он пододвинул свободной рукой стоящую рядом кровать, сел поудобнее, не выпуская руку сына. Постепенно усталость взяла свое, и Олег забылся тяжелым сном.

Проснулся он от того, что кто-то довольно грубо тряс его за плечо. Открыв глаза, Олег увидел высокую полную женщину в белом халате с круглым, как блин, лицом и сердито насупленными бровями. Из-за ее плеча испуганно выглядывала молоденькая медсестричка.

– Мужчина, что вы здесь делаете? Вам нельзя тут находиться! Немедленно уходите, я сейчас полицию вызову!

Олег окончательно проснулся, ощутил тепло маленькой руки, которую все еще сжимал в ладони.

– Пожалуйста, не кричите, вы разбудите его, – попросил он срывающимся на хрип голосом.

Женщина посмотрела на него вопросительно:

– А вы кто?

– Отец. Вот, – он достал из кармана права, – Васильченко Олег Васильевич.

Брови женщины перестали хмуриться, лицо стало жалостливым, весь воинственный настрой испарился. Казалось, еще мгновение, и она расплачется. Но она только тяжело вздохнула и предложила:

– А хотите, я вам чайку принесу? Вы небось голодный?

Олег кивнул. Забота женщины почему-то не вызывала раздражения, наоборот, молчаливое, но искреннее проявление сочувствия слегка притупило сердечную боль.

– Можно я останусь с ним до утра? – спросил он, попив жидкого чаю с булочкой.

– Конечно, конечно. Свет выключить или оставить?

Он уже не сомкнул глаз. Сидел, держа сына за руку, и вспоминал, вспоминал, вспоминал.

Утром он попросил официального разрешения находиться в больнице с сыном, пока тому не станет лучше. Главврач было заколебался – ребенок уже большой, но после обещания Олега посодействовать в ремонте дал добро.

Позвонила Кристина – требовалась помощь в организации похорон. Оставив Ромку на попечении Сергея Станиславовича, Олег поехал домой.

Дом встретил хозяина гробовой тишиной. В зале на диване, в окружении трех подруг, сидела теща. Гордое лицо, абсолютно ровная спина – железная леди. Увидев Олега, она вскочила, подбежала, закричала совсем неподобающим ее виду, по-бабьи визгливым голосом:

– Где ты был? Алису еще не похоронили, а ты уже позволяешь себе не ночевать дома! Негодяй! Где Ромка? Имей в виду, я подам в суд, я лишу тебя родительских прав! Я заберу внука и буду растить одна! Ты... Ты...

Она замахнулась, чтобы ударить Олега по лицу, но он перехватил руку.

– Не надо. Я... Я тоже ее любил. Очень...

Женщина обмякла, всхлипнула.

– Олежек, прости меня, пожалуйста – по лицу ее потекли слезы, она больше не напоминала железную леди.

Олег обнял тещу, усадил на диван, сел рядом, сжал мягкую, покрытую пигментными пятнами руку...

– Ромка в больнице. Мне разрешили быть вместе с ним. Сейчас узнаю, как дела у Кристины, возьму вещи и поеду обратно. Хорошо?

– Да, да, – кивала она, отчего слезы потекли еще сильнее.

Кристина возилась на кухне.

Все организационные вопросы были решены, похороны назначены на завтра.

Олег поблагодарил ее, сказал, что позвонит, когда привезет сына домой.

Собрав необходимое для себя и Ромки, он зашел проститься с матерью Алисы. Та уже успокоилась, вновь обрела вид железной леди и с выражением бесконечной скорби на лице восседала в окружении молчаливой свиты.

– Я в больницу.

Она встала, обняла его.

– Благослови тебя Бог, сынок, иди.

Олегу стало неловко из-за того, что он оставляет ее одну, но потом решил, что сыну сейчас больше нужен отец и, отбросив сомнения, покинул грустный дом.

Роман сидел на кровати, опустив на пол ноги в огромных больничных тапках.

– Ромка! – обрадовался Олег и осекся – выражение зеленых глаз не изменилось.

– Сынок, – он подошел к ребенку, присел на корточки. Голые ноги были холодными. Олег достал из сумки теплые носки.

– Ты посиди, а папа пойдет доктора поищет. Доктор хороший, он Ромку обязательно вылечит. Обязательно.

Сергей Станиславович, похоже, ждал Олега. Привстав и крепко пожав его руку, он жестом предложил сесть.

– Олег Васильевич, мы сделали все, что в наших силах. Я пригласил Антона Семеновича, главного врача психиатрического отделения. Он сейчас подойдет.

– Хорошо, – Олег встал, – я подожду в палате с сыном.

Антон Семенович долго рассказывал о непредсказуемости человеческой психики, о влиянии стрессовых ситуаций на организм ребенка. Олег слушал, не понимая до конца, каким образом это может относиться к нему и к Ромке.

– Я считаю необходимым перевести Романа в психиатрическое отделение – для установления диагноза и проведения необходимого лечения.

– Вы хотите сказать, что мой сын сошел с ума? – оторопел Олег.

– Конечно, нет! Произошли определенные нарушения в его поведении. Психологические проблемы могут вызвать соматические расстройства, а нам бы очень этого не хотелось.

Олег вспомнил все газетные статьи, телепередачи, повествующие о беспределе, царящем в психиатрии.

– Вы извините меня, пожалуйста, но я не хочу, чтобы мой сын лежал в психиатрической больнице. Я считаю его вполне нормальным ребенком.

Антон Семенович развел руками:

– Что ж, насильно вашего ребенка никто лечить не будет. Но вы все-таки подумайте, – и он вышел из палаты.

– Вы зря отказываетесь, – сказал Сергей Станиславович, – у Антона Семеновича работают отличные специалисты, недавно закупили новое диагностическое оборудование. Роман сейчас абсолютно беспомощен, ему нужен круглосуточный уход.

Олег покачал головой:

– Нет.

– Хорошо, в любом случае ваш сын до конца недели останется в отделении, в пятницу посмотрим на его самочувствие.

Он вышел, а Олег еще долго вспоминал все, что слышал о лечении людей, страдающих расстройством психики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.